

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК [811.111+811.161.3]’38(043.3)

И. М. Басовец

Кандидат филологических наук, кафедра английского языка № 1, преподаватель,
Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДЕАВТОРИЗАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ»
СО СМЕЖНЫМИ ТЕОРЕТИЧЕСКИМИ ПОНЯТИЯМИ
(на материале англо- и белорусскоязычных публицистических текстов)**

В статье раскрывается понятие «деавторизация высказывания» и устанавливаются маркеры ее реализации на материале современной англо- и белорусскоязычной прессы. Отмечается, что высказывание деавторизируется вследствие употребления конструкций деавторизации, которые содержат указание на нереферентный субъект – источник информации. В статье также разграничивается понятие «деавторизация высказывания» от смежных теоретических понятий: обобщенности и неопределенности. В ходе анализа устанавливаются общие и отличительные черты исследуемых понятий. Подчеркивается, что обобщенность и неопределенность демонстрируют сходные с конструкциями деавторизации способы выражения субъекта. Устанавливается, что основные различия между упомянутыми понятиями заключаются в типе референции и семантике субъекта, а также в более сложном строении деавторизованного высказывания, имеющего дополнительный структурно-семантический план.

Ключевые слова и словосочетания: деавторизация высказывания, конструкции деавторизации, нереферентный субъект, обобщенность, неопределенность, тип референции, семантический субъект, дополнительный структурно-семантический план.

Введение

Процессы и тенденции, которые наблюдаются в разных языках на определенном этапе развития, всегда были объектом внимания лингвистов. На текущем этапе исследователи все чаще отмечают новые оттенки или акценты в знакомых явлениях. К примеру, М.А. Кормилицына в своей статье, посвященной изучению инновационных процессов в современной прессе, сделала интересное наблюдение: «авторизирующие конструкции (основное назначение которых в языке – называть источник и способ получения информации, обеспечивая тем самым ее объективность, документализм, фактуальность) используются в современной прессе как один из способов деавторизации, как реализация стремления журналистов завуалировать или скрыть сведения об авторе полученного сообщения» [1]. Иными словами, зачастую в предложениях публицистического текста ссылка на источник информации есть, но идентифицировать такой источник читателю не представляется возможным, т.к. он выражен весьма обобщенно или неопределенно, например: *To some, the destruction of a foreign charity feels like the beginning of an urban war* 'Некоторые считают, что уничтожение иностранной благотворительной организации нацелено на развязывание войны в городе' (Washington Post. 2016, Sept. 7). В данном случае автор ссылается на мнение «некоторых», и читателям не ясно, чья это точка зрения (некоторых жителей города или страны, аналитиков, журналистов или автора текста, который тем самым может вуалировать собственное видение ситуации). Иногда источник информации выражен весьма обобщенно: *Аналітыкі небеспадстаўна лічаць, што цэнтрабежныя сілы здольныя прывесці да развалу як мінімум Шэнгенскай зоны, а ў канчатковым выніку і ЕС* (Звезда. 2016, 6 верасня). В данном примере из белорусскоязычной прессы приводится мнение обобщенного субъекта (*аналітыкі лічаць*), которого читателю не представляется возможным идентифицировать (какие конкретно аналитики), при этом с этим обобщенным мнением солидаризируется автор статьи, на что указывает авторское слово-вкрапление *небеспадстаўна*, вследствие чего подается обобщенно-собираетельная точка зрения. В результате ссылок подобного рода в публицистических текстах создается ложная авторизация или деавторизация.

Результаты исследования и их обсуждение

Под **деавторизацией высказывания** понимается дополнительный структурно-семантический план, направленный на вуалирование или устранение субъекта – источника информации из синтаксической структуры предложения. Деавторизация высказывания предполагает использование специальных **конструкций деавторизации**, под которыми понимаются синтаксические конструкции, содержащие указание на нереферентный (неопределенный либо обобщенный) субъект – источник информации о предметах, явлениях объективной действительности. Выяснению сущности деавторизации высказывания способствует ее отграничение от смежных теоретических понятий – обобщенности и неопределенности.

Обобщенность vs. деавторизация высказывания

Обобщение закономерно считается одной из основных гносеологических категорий. В силу этого обобщению уделяется в языкознании достаточно большое внимание. Как отмечается лингвистами, категория обобщенности проявляется на различных уровнях языка. Так, на морфологическом уровне ее созданию в артиклевых языках способствуют артикли в своем родовом значении. В безартиклевых языках эквивалентами представленных предложений могут быть высказывания, содержащие существительные в единственном или множественном числе в обобщенно-собирательном значении. Среди средств обобщенности на лексическом уровне могут выделяться обобщенно-пространственные слова, обобщенно-временные слова, обобщенно-предметные слова, обобщенные слова со значением образа действия, обобщенные детерминативы, собирательные существительные, существительные-гиперонимы во множественном числе [2]. При этом ядерными средствами выражения обобщенности в лингвистике признаются определительные местоимения типа *все, всякий, каждый* и др. В предложениях обобщенность может иметь различные формы проявления, вследствие чего для обобщенных высказываний предложен ряд терминов: «генерическое/родовое высказывание», «общереферентное высказывание» и «универсальное высказывание».

Основными чертами **генерических высказываний** являются: а) указание только на характерные свойства объекта; б) описание только таких свойств, которые повторяются регулярно на достаточно большом промежутке времени; в) описание свойств объекта, которые следует называть интенциональными; г) указание на свойства объекта, которые свойственны хотя бы для нескольких возможных миров [3]. Чтобы можно было считать высказывания генерическими, они должны описывать не актуальное, а стабильное, постоянное положение дел в мире. Примерами генерических предложений могут служить следующие: *The seagull is a bird* 'Чайка – птица'; *У годзе 365 дзён*. Эффект обобщенности в генерическом предложении достигается за счет родового употребления имени или именной группы, вследствие чего референция происходит к стереотипизированному, типичному представителю класса, который выступает в качестве прототипа.

Сравнение деавторизованных высказываний с генерическими выявляет ряд существенных различий между ними. Во-первых, различия касаются референциальных характеристик субъекта. Так, в отличие от генерических предложений, в которых референция происходит к типичному представителю класса (обычно выраженному именем существительным в своем родовом значении), в деавторизованных высказываниях референция может осуществляться и к неопределенному субъекту, ср.: *For some safety experts, Uber's self-driving taxi test isn't something to hail* 'По мнению некоторых экспертов по безопасности, испытания беспилотного такси компанией "Убер" не стоит приветствовать' (The Washington Post. 2016, Sept. 12). Во-вторых, деавторизованное высказывание имеет обязательный дополнительный структурно-семантический план: *Як сцвярджаюць эксперты, у яго цяпер ёсць сур'ёзны канкурэнт – распрацаваны ў 2000-х транзітны шлях Казахстан – Расія – Беларусь* (Звязда. 2016, 9 верасня). Так, из последнего примера понятно, что основной структурно-семантический план включает пропозицию *у яго цяпер ёсць сур'ёзны канкурэнт – распрацаваны ў 2000-х транзітны шлях Казахстан – Расія – Беларусь*, а дополнительный структурно-семантический план представлен теми, кто так утверждает, а именно *экспертамі*.

В структуре **общереферентных высказываний** представлены формы субъекта, имеющего универсальную референцию, «непосредственную отнесенность ко всему классу» [4, 115], [5, 3]. В подобных высказываниях субъект может быть выражен посредством таких обобщающих местоимений, как *all* 'все', *every* 'каждый', *any* 'всякий', *everyone* 'каждый', *anyone* 'любой' в

английском языке и *ўсе, усякі, кожны, любы* в белорусском языке. Например, *It is clear to everyone* 'Это понятно каждому'; *Увага прыемная любому чалавеку*.

Как и в случае с генерическими высказываниями, у общереферентных и деавторизованных высказываний обнаруживается ряд специфичных характеристик. Помимо особенностей формальной структуры (в деавторизованном высказывании содержится дополнительный структурно-семантический план), разными оказываются характеристики субъекта. Так, в отличие от общереферентного высказывания, в котором субъект имеет универсальную референцию ввиду наличия в поверхностной структуре квантора всеобщности, в деавторизованном высказывании субъект имеет обобщенную или неопределенную референцию и только в одной разновидности конструкций деавторизации – универсальную. В этой разновидности референция происходит не к отдельным, а ко всем представителям класса, как и в общереферентном высказывании, например: *Everyone agrees it is seriously unjust to punish people in the absence of very good reasons to do so* 'Каждый разделяет мнение, что крайне несправедливо наказывать людей при отсутствии для этого веских оснований' (The New York Times. 2015, Nov. 24); *У глыбіні душы ўсе ведаюць, што ім патрэбна маладосць* (Звезда. 2016, 2 верасня).

Универсальные высказывания провозглашают как незыблемую истину то или иное устоявшееся мнение, например: *Человеку свойственно ошибаться. Содержание важнее формы* [6]. Эти высказывания обобщающей семантики типизируют жизненные явления, придают им вневременной и всеохватный характер [там же], являются самой распространенной формой генерализованных утверждений народной мудрости [7, 211]. Предикат универсального высказывания атемпорален, такое высказывание фокусирует сообщение о факте определенного свойства во всех его настоящих, прошедших и будущих проявлениях. Разновидностями универсальных высказываний являются пословицы, афоризмы, сентенции, крылатые выражения и пр. [6].

Наиболее существенным признаком, который позволяет выделить универсальные высказывания в подкласс обобщающих высказываний, является их воспроизводимость – неизменность формы при бесконечном количестве употреблений в речи, что помогает запоминать и узнавать универсальные высказывания. Благодаря этому свойству универсальные высказывания обычно предстают как готовые речевые единицы. Обязательное постоянство структуры универсальных высказываний отличает их от общереферентных и генерических предложений.

В отличие от универсальных высказываний с воспроизводимой, неизменной и запоминаемой формой, которые представляют собой генерализованные утверждения народной мудрости, структура деавторизованных высказываний имеет значительно более сложное строение. Любопытно то, что оба типа высказываний могут находиться в отношениях включения. Так, определенные разновидности конструкций деавторизации могут вводить универсальные высказывания, которые оказываются встроенными в деавторизованные высказывания, являясь их пропозицией: *They say silence is golden...* 'Говорят, молчание – золото...' (Daily Mail. 2012, Apr. 3); *Гродзенская вобласць займае вядучыя пазіцыі на вытворчасці валавога рэгіянальнага прадукту ў 2012 годзе, ды і сёлета, як кажучь, трымае планку...* (Звезда. 2013, 10 верасня).

Таким образом, обобщенные и деавторизованные высказывания обладают как некоторыми общими, так и существенными отличительными характеристиками. Общими являются стандартные средства выражения обобщенного субъекта: местоимения со значением всеобщности, собирательные существительные и выражения, существительные с артиклем в родовом значении (в английском языке). В ходе сопоставления данных понятий, однако, фиксируется ряд глубинных различий, касающихся как формальных, так и содержательных аспектов. Наиболее существенными из них являются наличие в деавторизованных высказываниях дополнительного структурно-семантического плана, а также тип референции субъекта (в отличие от высказываний, реализующих категорию обобщенности, в деавторизованном высказывании субъект может быть и неопределенным в референциальном отношении, что невозможно в случае с категорией обобщенности).

Неопределенность vs. деавторизация высказывания

Категория неопределенности является одним из интереснейших и сложнейших понятий, изучением которых занимались многие исследователи. Так же, как и обобщенность, неопределенность широко представлена в коммуникации и выявляется в широком наборе средств различных уровней языка. На морфологическом уровне категория неопределенности выражается прежде всего при помощи неопределенного артикля в артиклевых языках. В безартиклевых

языках, к примеру, русском, с этой целью может использоваться оппозиция винительного и родительного падежей.

Одним из основных, общих для разных языков, средств выражения категории неопределенности на лексическом уровне являются неопределенные местоимения. Неопределенные местоимения составляют лексическую группу, которая несет в себе изначально самое приблизительное представление о субъекте [8, 29], содержит неточное указание на предмет или его признак, обозначает их неизвестность. Категорию неопределенности в русском языке реализует также слово *один* в значении «некий» [9, 33], [10, 10], в английском языке нереперентные местоимения *one* и *it* [11]. Использование в высказывании неопределенных местоимений, которые являются основными источниками неопределенности, ведет к «загадочности референции и нечеткости различия между мнением говорящего и интерпретациями его слов» [12, 214]. «Загадочность» референции основывается на невозможности идентификации (опознаваемости) предмета, объекта собеседниками, либо одним из них. Невозможность идентификации обусловлена отсутствием у коммуникантов (или одного из них) какой-либо информации об объекте, позволяющей локализовать его в микромире коммуникантов (или коммуниканта).

Рассмотрим пример деавторизованного высказывания из англоязычной прессы с неопределенным субъектом – источником информации, который выражен неопределенным местоимением в сочетании с существительным: ...*Some analysts are concerned that Beijing, angered by South Korea's decision to host an American anti-missile battery, might lose its appetite for enforcement*; ‘...**Некоторые аналитики высказывают опасения**, что Пекин, который недоволен решением Южной Кореи о размещении американской противоракетной базы, может передумать исполнять обязательства’ (The Washington Post. Sept. 9, 2016). Очевидно, что идентифицировать этих «некоторых аналитиков» читателю не представляется возможным. Весьма вероятно, что адресаты в зависимости от страны, ситуации, взглядов и целого ряда других факторов, под «некоторыми аналитиками» могут понимать или представлять совершенно разные группы людей. Такое разнообразие интерпретаций связано со словом *некоторые*. Сам смысл неопределенного выражения *некоторые аналитики*, по-видимому, дает основание для множественности интерпретаций.

Категория неопределенности в большей степени ориентирована на адресата. Для говорящего имена зачастую соотношены с предметами с самого начала речи, еще до речевого акта, а для адресата – нет. Следовательно, чрезвычайно важным для категории неопределенности является фактор адресата, который принимается во внимание, прежде всего, при введении в речевое сообщение новых, ранее не упоминавшихся предметов. К примеру, когда говорящий вводит в коммуникацию название того или иного предмета, он учитывает, является ли упоминаемый предмет знакомым слушающему или нет. И если говорящий убежден, что данный объект для слушающего является новым, то имя выступает в значении неопределенности.

Категория неопределенности в разных языках также отражается в порядке слов и актуальном членении предложения. Так, в белорусском языке имя, имеющее значение определенности (известности), занимает начальную позицию в предложении, а имя со значением неопределенности (неизвестности) – конечную позицию. В английском языке, напротив, имя со значением неопределенности (неизвестности) обычно занимает начальную позицию.

На синтаксическом уровне категория неопределенности может быть реализована вследствие использования в высказывании номинализованных, неопределенно-личных, безличных и пассивных конструкций [13]. Если глагол номинализованных, неопределенно-личных, безличных и пассивных конструкций принадлежит к одной из четырех семантических разновидностей (речи, мысли, оценки и восприятия), то такие конструкции относятся к деавторизованным, поскольку подразумевают наличие источника информации. Так, в высказывании, отобранном из белорусскоязычной прессы, неопределенный субъект речи устранен из синтаксической структуры предложения: *Нам **паабяцалі**, што ніякага павышанага ажыятажу наконт новых грошай не будзе* (Звязда. 2016, 9 верасня). Как видно из примера, содержащего неопределенно-личную конструкцию, источник информации – субъект речи, тот, кто пообещал, – в высказывании подразумевается, но соотносить его с референтами в реальном мире невозможно. В случаях с устраненным субъектом – источником информации степень деавторизации самая высокая, т.к. под источником информации может подразумеваться кто угодно, при этом круг потенциальных референтов не ограничен даже рамками группы.

Таким образом, одним из наиболее важных различий между неопределенностью и деавторизацией высказывания является тип референции субъекта: субъект конструкции деавторизации в референциальном отношении может быть не только неопределенным, но и обобщенным, что невозможно в случае с категорией неопределенности. К общим между сравниваемыми понятиями характеристикам относятся средства номинации неопределенного субъекта. В частности, для выражения неопределенного субъекта конструкции деавторизации используется ограниченный набор языковых средств различных уровней, стандартных для языкового выражения категории неопределенности: морфологических (неопределенный артикль в английском языке), лексических (неопределенные местоимения), синтаксических (номинализованные, неопределенно-личные, безличные и пассивные конструкции). Некоторые специфические черты обнаруживаются в функционировании общих средств именования неопределенного субъекта. Так, существительное с неопределенным артиклем в конструкции деавторизации может деавторизовать высказывание, только если неопределенный артикль употреблен в значении 'некий', а не является маркером введения нового предмета в рассмотрение. Если в конструкции деавторизации субъект представлен посредством неопределенных местоимений, то он предстает неопознаваемым именно для адресата и в большинстве случаев предполагается известным адресанту, в то время как в случае с категорией неопределенности в отношении субъекта невозможность его идентификации может относиться как к обоим собеседникам, так и к одному из них.

Выводы

Таким образом, в современной англо- и белорусскоязычной прессе в отдельных высказываниях наблюдаются случаи вуалирования или сокрытия источника информации. Деавторизация высказывания возникает вследствие употребления конструкций деавторизации, которые содержат указание на нереферентный субъект – источник информации о предметах, явлениях объективной действительности.

Тесно связанными с деавторизацией высказывания понятиями являются обобщенность и неопределенность, которые демонстрируют общие свойства с исследуемым понятием в способах выражения субъекта конструкций деавторизации: для его номинации используется ограниченный набор средств, стандартных для языкового выражения категорий обобщенности и неопределенности соответственно.

В отличие от обобщенных и неопределенных высказываний, деавторизованные высказывания имеют более сложное строение с дополнительным структурно-семантическим планом. Основные различия между упомянутыми понятиями заключаются в а) типе референции субъекта: в деавторизованном высказывании субъект может быть обобщенным или неопределенным, а в случае с категорией обобщенности – только обобщенным, в случае с категорией неопределенности – неопределенным, б) семантике субъекта: в создании деавторизованного высказывания участвуют четыре семантические разновидности субъекта (речи, мысли, оценки и восприятия), в случае с категориями обобщенности и неопределенности ограничения в семантических разновидностях субъекта отсутствуют.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кормилицына, М. А. Синтаксические способы дезавторизации информации в современных СМИ / М. А. Кормилицына // Вопросы культуры речи. – Вып. 9. – М. : Наука, 2007. – С. 243–249.
2. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – Изд. 3-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 288 с.
3. Cohen, A. M. Think generic!: the meaning and use of generic sentences / A. M. Cohen. – Stanford : CSLI Publications, 1999. – 224 p.
4. Langacker, R. W. Investigations in cognitive grammar / R. W. Langacker. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 2009. – 396 p.
5. Pelletier, F. J. Generics: a philosophical introduction / F. J. Pelletier // Kinds, things, and stuff ; ed. By F.J. Pelletier. – Oxford, N.Y. : Oxford University Press, 2010. – P. 3–15.
6. Гаврилова, Е. Н. Универсальные высказывания как особая коммуникативная единица (на примере публицистики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Е. Н. Гаврилова ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1983. – 23 с.
7. Fowler, R. Language in the news: discourse and ideology in the press / R. Fowler. – London, N.Y. : Routledge, 1991. – 254 p.

8. Пеньковский, А. Б. Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 464 с.
9. Акимова, О. Б. Об одном способе выражения значения неопределенности в русском языке / О. Б. Акимова // Грамматическое значение предложения и семантика высказывания : межвуз. сб. науч. тр. – М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1987. – С. 33–38.
10. Имеретинская, Н. Д. Неопределенные субъекты в семантической структуре текста (на мат-ле нем. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. Д. Имеретинская ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб, 2002. – 17 с.
11. Black, E. Pragmatic stylistics / E. Black. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 166 p.
12. Glock, H.-J. Quine and Davidson on language, thought and reality / H.-J. Glock. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 311 p.
13. Кузьмина, Т. А. Стилистические и прагматические функции неопределенной референции лица в художественном тексте (на материале нем. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. А. Кузьмина ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб, 2004. – 20 с.

Поступила в редакцию 03.10.16

E-mail: basovets@list.ru

I. M. Basovets

CORRELATION OF SENTENCE DEAUTHORIZATION
WITH CONTIGUOUS THEORETICAL CONCEPTS
(on the material of English and Belarusian newspaper texts)

The article focuses on the concept “sentence deauthorization” and defines the markers of its realization on the material of modern English and Belarussian newspaper texts. It is noted that the sentence becomes deauthorized owing to the use of deauthorization structures containing non-referential subject – information source. The article differentiates the concept “sentence deauthorization” from contiguous theoretical concepts: generics and uncertainty. The analysis results in statement of the common and distinctive features of the studied concepts. It is emphasized that generics and uncertainty show similar with deauthorization structures means of expressing the subject. It is defined that the main distinctions between all the mentioned concepts lie both in the subject referential and semantic type and in the more complex structure of the deauthorized sentence having an additional structural-semantic plan.

Keywords and phrases: sentence deauthorization, deauthorization structures, non-referential subject, generics, uncertainty, reference type, semantic subject, additional structural-semantic plan.

УДК 811.161.1' 373

А. В. КавалёваКандыдат філалагічных навук, кафедра англійскай мовы і МВЗМ,
УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, г. Мазыр, Беларусь**ПЕРАЙМЕНАВАННІ ПРЫПЯЦКАГА ПАЛЕССЯ, УТВОРАНЫЯ
АД АПЕЛЯТЫВАЎ З СІМВАЛІЧНЫМ ЗНАЧЭННЕМ**

У артыкуле разглядаюцца перайменаванні Прыпяцкага Палесся XX стагоддзя, утвораныя ад апелятываў з сімвалічным значэннем. Аналізуюцца тапанімічныя асновы новых айконімаў, сярод якіх выяўлены апелятывы, нетыповыя для традыцыйнай айканімічнай сістэмы: яны матываваны лексемамі, што характарызуюць тып культуры эпохі, сацыяльныя змены, але не ўказваюць на тапаграфічныя асаблівасці паселішча. Устаноўлена, што страчаныя на пазначанай тэрыторыі айконімы з'яўляюцца фіксацыяй гістарычнага антрапанімікона, геаграфічных тэрмінаў, уласцівых для рэгіёна, а таксама ўтрымліваюць назвы гістарычных форм землеўладання і землекарыстання, сацыяльныя рэаліі.

Ключавыя словы: айконім, гістарычная назва, дэнамінацыя, тапанімічная аснова, апелятыў, апелятыў з сімвалічным значэннем, антрапонім, геаграфічны тэрмін, арэал айконімаў.

Уводзіны

Грамадскія і палітычныя змены фіксуюцца лексічным складам мовы. Новая эпоха, новая ідэалогія прыводзяць да з'яўлення неалагізмаў, якія адлюстроўваюць з'явы і рэаліі соцыума. Кастрычніцкія падзеі 1917 года прывялі да з'яўлення “саветызмаў”, “саветагем”. Гэтыя факты савецкай культуры з ідэалагічным кампанентам сведчылі пра тагачасны пралетарскі тып культуры, пра ўзнікненне грамадзяніна новага тыпу, пра дзейнасць і якасці савецкага народа, пра становішчы з'явы часу.

Перайменаванні назваў населеных пунктаў засведчаны ў кожны гістарычны перыяд. Кастрычніцкія падзеі 1917 года адлюстраваліся і ў змене намінацыі айконімаў. Адзінкі, якія выклікалі асацыяцыю з этнонімамі (*Ляхі, Жыдавічы*), рэлігіяй (*Капліца, Манастыр*), з немілагучнымі або “абразлівымі” лексемамі (*Халуй, Мартышкі*), падлягалі замене. Новыя назвы і перайменаванні XX стагоддзя часткова разглядаліся ў даследаваннях Я.М. Адамовіча, Н.А. Багамольнікавай, А.Я. Баханькова, А.А. Валасенка, В.А. Жучкевіча, В.П. Лемцюговай, Л.М. Лыча, Г.М. Мезенка, Я.Н. Рапановіча, А.Ф. Рогалева, Г.А. Цыхуна, В.В. Шура і інш., але недастаткова поўна разгледжаны іх арэальныя адметнасці, пытанні перадачы на беларускую мову, таму што, як вядома, дэнамінацыя такіх адзінак адбывалася на рускай мове, без уліку міжнародных норм і стандартаў.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Значную групу сярод перайменаваных назваў паселішчаў XX стагоддзя ў беларускай айканіміі складаюць найменні, якія ўзыходзяць да апелятываў, што ўмоўна перадаюць абнаўленне жыцця, сімвалізуюць пачатак новай эпохі. Такія адзінкі матываваны лексемамі, якія сведчаць пра грамадскі рух наперад, ідэі сацыяльных змен. Так, назва *Прагрэс* узыходзіць да апелятыва *прагрэс* ‘рух наперад, пераход на больш высокую ступень у развіцці’^{*}, найменне *Росквіт* матывавана агульным назоўнікам *росквіт* ‘найвышэйшая ступень развіцця, уздыму чаго-небудзь’, якія ў адпаведнасці з тагачасным савецкім ідэалагічным вучэннем набылі новы пафасны сэнс, перадаючы ідэалы новага ладу. Сярод такіх назваў паселішчаў вылучаюцца айконімы, матываваныя лексемамі, што ўтрымліваюць выразную ацэначную ці эмацыянальна-экспрэсіўную канатацыю. Так, адзінка *Светлы* ўтворана ад лексемы *светлы* ‘нічым не азмрочаны, шчаслівы, азораны ўнутраным пачуццём радасці, прасякнуты аптымізмам, узнёслы’, айконім *Сонечны* суадносіцца з лексмай *сонечны* ‘асветлены сонцам, радасны, светлы, шчаслівы’. Такія онімы, на думку іх стваральнікаў, павінны былі перадаваць настрой тагачасных сацыяльных пераўтварэнняў,

© Кавалёва А. В., 2016

* У гэтым прыкладзе і далей тлумачэнне апелятыва прыводзіцца па Тлумачальным слоўніку беларускай мовы (Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / рэдкал.: К.К. Атраховіч [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.).

яны выступалі як абавязковыя ў савецкай рэчаіснасці. У тапаніміі былога СССР найменне *Рассвет* засведчана 30 разоў, назвы *Зара* і вытворныя ад яе (*Зара Камунізму*, *Зара Свабоды*) – 54, *Дружба* (*Дружбаўка*, *Дружное*) – 50, *Камсамол* (*Камсамолец*, *Камсамольск-на-Амуры*) – 125, *Атрадная* – 47, *Шчаслівая* – 12, *Прывольная* – 36, *Вясёлы* і вытворныя ад яе – 99 разоў [1, 230–231].

Перайменаванні ад сімвалічных апелятываў лакалізуецца па ўсёй тэрыторыі Беларусі, але асноўныя арэалы пашырэння найменняў ад апелятываў з сімвалічным значэннем знаходзяцца пераважна ў паўночных раёнах Віцебшчыны, а таксама ва ўсходняй частцы Магілёўшчыны і Гомельшчыны. На тэрыторыі Прыпяцкага Палесся, што абмежавана населенымі пунктамі ў басейне ракі Прыпяць, выяўлены перайменаванні ад сімвалічных апелятываў (гл. малюнак).

Малюнак – Карта-схема “Перайменаванні Прыпяцкага Палесся, утвораныя ад апелятываў з сімвалічным значэннем”

Найбольшая іх колькасць – у Лельчыцкім раёне, пры гэтым усе яны з’явіліся на карце толькі ў 1964 годзе. Так, новае ўтварэнне *Ударная* матывавана лексемай *ударная* ‘звязаная з ударнай працай, ударніцтвам’. Страчанае найменне *Асмаленік* суадносіцца з апелятывам *асмалены* (*абсмалены*) ‘які падпаў пад дзеянне агню, полымя, сонца’. Не выключана і паходжанне ад антрапоніма **Асмола*. У межах гэтага ж раёна фіксуецца назва-кампазіт *Чырвонаярэжа*, утворанае ад лексемы *бераг* ‘край, паласа зямлі каля вадаёма’ і ад’ектыва *чырвоны*, які набыў сімвалічнае значэнне ‘звязаны з рэвалюцыйнай дзейнасцю, з савецкай дзяржавай, сацыялістычным ладам’. Найменне *Злодзін* паходзіць ад уласнага імя **Злода*. Айконім засведчаны з XVIII стагоддзя як паселішча ў Мазырскім павеце Мінскага ваяводства [3, 39].

Назва-арыенцір *Новае Палессе* суадносіцца з апелятывам *лес* ‘масіў зямлі, зарослы дрэвамі’ або з географічным тэрмінам *палессе* ‘лясістая мясцовасць’. Атрыбутыўны кампанент *новае* паказвае на адносны час узнікнення паселішча. Страчаная назва паселішча *Каросцін*, матываваная антрапонімам *Кароста*, была вядома з XIX стагоддзя як паселішча ў Лельчыцкай воласці Мазырскага павета Мінскай губерні [4, 187]. Гэты онім не засведчаны ў аснове айконімаў,

якія функцыянуюць у сучасным нацыянальным айканіміконе. Існуе меркаванне, што найменне ўзыходзіць да гідроніма *Каростынь* [5, 407].

У Лельчыцкім раёне ў 1964 годзе з'явілася адзінка *Мірнае*, што суадносіцца з лексемай *мірны* (*мірнае*) 'які мае адносіны да міру'. Страчаны айконім *Магільнае* паходзіць ад апелятыва *магіла* (ст.-бел.) 'магільны насып; выкапаны дол, куды апускаюць труну з нябожчыкам' [6, 415]. Новая назва ў форме субстантываванага прыметніка *Пабедная* матывавана лексемай *пабеда* (беларускі адпаведнік *перамога*) 'поспех у змаганні (вайне, баі), поспех у ажыццяўленні чаго-небудзь, дасягнуты ў выніку барацьбы, пераадолення якіх-небудзь цяжкасцей'. Найменне *Стары Фальварак* утворана ад апелятыва *фальварак* 'зямельнае ўладанне феадала', 'невялікі маёнтак'. На Беларусі фальваркі атрымліваюць асаблівае пашырэнне ў XVI стагоддзі, пасля прыняцця "Устава на валокі", у той час маёнтакі буйных і дробных феадалаў маюць назву фальварак. Пасля сялянскай рэформы 1861 года фальваркавая сістэма гаспадарання пайшла на спад. Атрыбутыўны кампанент *Стары* ўказвае на адносны час узнікнення айконіма. Найменне-арыенцір *Падварак* суадносіцца з лексемай *двор* 'населены пункт, паселішча хутарскага тыпу, шляхецкае землеўладанне', 'маёнтак, гаспадарка' [7, 76]. Даследчыкі адносяць тапааснову *двор* да найбольш прадуктыўных у станаўленні ўсходнеславянскай тапаніміі пад уплывам развіцця "форм землеўладання і землекарыстання" [7, 87]. Да 1932 года на Петрыкаўшчыне існавала старажытная назва *Двор Левандоўскага*, якая таксама ўзыходзіць да апелятыва *двор*. Постпанент *Левандоўскага* ўказвае на прыналежнасць (ад антрапоніма *Левандоўскі*). Яе замяніў айконім *Чырвоная Горка*, што суадносіцца з араграфічным апелятывам *гара* 'ўчастак зямной паверхні, які высока ўзнімаецца над акаляючай мясцовасцю'. Традыцыйна ад'ектыў *красны* (*чырвоны*) у складзе айконімаў ужываўся са значэннем 'прыгожы', але наватворы савецкага часу маюць сімвалічнае значэнне. У межах сучаснай тэрыторыі Хойніцкага раёна да 1920 года існавала назва паселішча *Двор*, утвораная ад лексемы *двор*. Новае найменне *Чырвоны Араты* з сімвалічным кампанентам *чырвоны* матывавана апелятывам *араты* 'той, хто арэ зямлю, земляроб'.

Да 1930 года ў Хойніцкім раёне лакалізуецца назва з зацемненым паходжаннем *Кліндупаўка*. Яе замяніла новае ўтварэнне *Чырвонае Возера*, матываванае гідраграфічным тэрмінам *возера* 'запоўненае вадой прыроднае паглыбленне сушы, замкнутае ў сваіх берагах' і атрыбутыўнага кампанента *чырвоны* з сімвалічным значэннем. У гэтым жа годзе фіксуецца і перайменаванне *Чырвоная Ніва*, якое суадносіцца з лексемай *ніва* 'апрацаванае пад сяўбу поле'. Страчанае найменне *Ліхтэдня* ўзыходзіць да апелятыва *ліхтэдня* 'прадпрыемства, на якім выраблялі *ліхтэры* – невялікія грузавыя судны тыпу баржы'. У паселішчы жылі продкі немцаў-арандатараў, якія наладзілі вытворчасць *ліхтэраў* або *ліхтэдняў*, калі *ліхтэдня* ад 'ліхтар' (ад ням. *Licht* 'святло, агонь, асвятленне') [8, 68]. Адначасова з папярэдняй назвай узнікла ў Хойніцкім раёне адзінка *Будаўнік*, утворанае ад апелятыва *будаўнік* 'той, хто будзе што-небудзь; працуе на будаўніцтве'. Страчаныя найменні *Паўлаўскае* і *Юр'еўскае* паходзяць, магчыма, ад антрапонімаў *Павел*, *Паўлаў* і *Юрый*, *Юр'еў*.

У Акцябрскім раёне з 1929 года фіксуецца назва *Чырвоная Слабада*, якая ўтрымлівае сімвалічны кампанент *чырвоны* і ўзыходзіць да апелятыва *слабада* 'пасёлак або гарадскі квартал у Расіі, на Беларусі і Украіне ў XI–XVIII стст., жыхары якога не былі прыгоннымі або часова вызваліліся ад падаткаў і іншых павіннасцей, вялікае гандлёвае ці прамысловае сяло, пасёлак'. Зніклая назва паселішча *Германава Слабада* таксама ўтворана ад апелятыва *слабада*, яе атрыбутыўны кампанент *Германава* (ад антрапоніма *Герман*) указвае на пасесіўныя адносіны. Айконімы з назвай *слабада* размешчаны пераважна ў паўночна-ўсходніх і цэнтральных раёнах Беларусі; як тып паселішча слабоды засведчаны з часоў Кіеўскай дзяржавы, а найбольшай інтэнсіўнасці дасягнулі ў XIV–XV стст. [9, 348–349]. У гэтым раёне засведчана назва *Рассвет* (з 1962 года), матываванае рускамоўным апелятывам *рассвет* (беларускі адпаведнік *золак*) 'пачатак світаньня', *світанне* 'час перад усходам сонца, калі пачынае віднець; самы пачатак раніцы'. Яе папярэднік, айконім *Качай-Балота* паходзіць ад геаграфічнага тэрміна *качай-балота* 'дрыгва, багністае балота з раслінным плавам на паверхні' [6, 352].

Перайменаванні, утвораныя ад апелятываў з сімвалічнай канатацыяй, засведчаны і ў Ельскім раёне. З 1928 года існуе найменне *Чырвоны Пільшчык*, якое захоўвае папярэдняю назву *Пільшчык*. Адзінка ўзыходзіць да сімвалічнай у адзначаны перыяд лексемы *чырвоны* і апелятыва *пільшчык* 'рабочы, заняты пілаваннем'. З 1920 года вядомы айконім *Камуна*, што матываваны лексемай *камуна* 'калектыў, група людзей, якія аб'ядналіся для супольнага жыцця пры абагуленні працы і ўсіх сродкаў вытворчасці'. Найменне суадносіцца з назвай першай пралетарскай

рэвалюцыі 1871 года і стварэння першага ўрада рабочага класа, якія ў гісторыі атрымалі назву Парыжскай Камуны. Страчаная назва паселішча з фармантам *-ава Анзельмава* матывавана антрапонімам **Анзельм, *Анзельмаў*. Новае найменне *Авангард* з'явілася ў Калінкавіцкім раёне ў 1937 годзе і паходзіць ад апелятыва з абстрактна-сімвалічным значэннем *авангард* 'найбольш свядомая, вядучая частка якой-небудзь грамадскай групы'. Папярэдняе найменне *Камуна* вядома з 20-х гадоў XX стагоддзя ад назвы калгаса "*Парыжская Камуна*". Замест страчанай назвы *Галякі* ў Калінкавіцкім раёне ўзнікла назва *Навасёлкі*, суадносна з апелятывам *сяло* 'вялікая вёска, гаспадарчы і адміністрацыйны цэнтр для навакольных паселішчаў; любы населены пункт негарадскога тыпу'. Традыцыйна такія адзінкі сведчылі пра паселішча на новым месцы, у савецкі час яны успрымаліся як абноўленыя паселішчы, якія існавалі ў новых рэаліях. Страчанае найменне ў форме множнага ліку *Галякі* ўтворана ад антрапоніма *Галяк, Голяк*.

У Нараўлянскім раёне з 1969 года засведчаны новы айконім *Брацкая*, што ўзыходзіць да лексемы *брацкая (брацкі)* 'якая мае адносіны да брата (усякі чалавек, якога яднае з тым, хто гаворыць, агульнасць радзімы, класавых інтарэсаў, становішча, умоў)'. Страчанае найменне *Шпалзавод* матывавана апелятывам *завод* 'прамысловае прадпрыемства'. Першы кампанент адзінкі дыферэнцуе, падкрэслівае характар дзейнасці прадпрыемства, на базе якога ўзнікла паселішча: *Шпалзавод*. У Брагінскім раёне (з 1935 года) таксама выяўлена новае ўтварэнне *Брацкі* ад лексемы з сімвалічным значэннем *брацкі*. Папярэдні айконім у форме множнага ліку *Макранкі* суадносіцца з лексмай *макранка* 'балоцістае месца на полі, паўнаводная рэчка' [6, 418].

Вывады

У перайменаваннях XX стагоддзя, што лакалізуюцца ў межах Прыпяцкага Палесся, выяўлены новыя адзінкі, матываваныя апелятывамі з сімвалічным значэннем (*Авангард, Пабедная, Рассвет* і інш.). Яны характарызуюць культуру эпохі, сацыяльныя змены, але не з'яўляюцца тыповымі для айканімічнай сістэмы Беларусі. Страчаныя ў выніку перайменаванняў старажытныя айконімы пазначанага рэгіёна (*Двор Левандоўскага, Ліхтэрня, Стары Фальварак, Анзельмава, Кліндупаўка*) указвалі на традыцыйныя тыпы пасялення, асаблівасці грамадскага жыцця і вытворчасці, зафіксавалі антрапонімы, характэрныя для іменавання асоб у час узнікнення паселішча.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Мурзаев, Э. М. Топонимика и география / Э. М. Мурзаев ; Рос. акад. наук, Ин-т географии. – М. : Наука, 1995. – 304 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.
3. Гароды і вёскі Беларусі : энцыкл. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2005. – Т. 2; Кн. 2 : Гомел. вобл. – 517 с.
4. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 505 с.
5. Хроніка Убарцкага Палесся / аўтар-уклад. А. І. Атнагулаў ; навук. рэд. В. Л. Насевіч. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – 496 с.
6. Яшкін, І. Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія / І. Я. Яшкін. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – 808 с.
7. Лемцюгова, В. П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения: названия типов поселений / В. П. Лемцюгова. – Минск : Наука и техника, 1983. – 198 с.
8. Багамольнікава, Н. А. Тапанімія Гомельшчыны: структурна-семантычная характарыстыка: манаграфія / Н. А. Багамольнікава. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2008. – 242 с.
9. Лемцюгова, В. П. Тапонімы распаўсюджаюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Літаратура і Искусство, 2008. – 416 с.

Поступила в редакцию 03.03.16

E-mail: alena.kavaliova@gmx.de

Alena V. Kavaliova

DENOMINATION OF PRIPYAT' POLESSYE PLACE NAMES,
WHICH ARE BASED ON THE APPELLATIVES WITH SYMBOLIC MEANING

The article deals with the denomination of the place names in Pripyat' Polesse, which are based on the appellatives with symbolic meaning. The toponymic stems of the new oikonyms are analyzed, among them there are appellatives, which are not typical for the traditional toponymic system, they are motivated by the lexemes, which characterize the cultural type of the epoch, social changes, but they don't specify topographic features of the place. It is revealed, that the lost oikonyms of Pripyat' Polesse register the historical anthonymicon, geographical terms, which are typical in the region, they contain the notions of the historical kinds of landownership and land tenure, social features.

Keywords: oikonym, historical name, denomination, toponymic stems, appellative, appellatives with symbolic meaning, anthonym, geographical term, area of oikonyms.

УДК 821.161.3

П. Р. Кошман

Кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры беларускай і рускай філалогіі,
УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, г. Мазыр, Беларусь

АСАБЛІВАСЦІ БУДОВЫ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ВОБРАЗА СВЕТУ Ў БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ ТРАДЫЦЫІ

У артыкуле разглядаецца будова нацыянальнага вобраза свету ў беларускай літаратурнай традыцыі, вызначаецца пераемнасць у яго структуры вобразаў-архетыпаў і літаратурных этнавообразаў, паказваецца ўзаемадзеянне лакальнага і агульнанацыянальнага ўзроўняў мастацкага спасціжэння свайго свету, раскрываюцца асноўныя падыходы да ўспрымання свету чужога.

Ключавыя словы: нацыянальны вобраз свету, архетып, літаратурны этнаобраз, літаратурная імагалогія, беларуская літаратура.

Уводзіны

На мяжы XX і XXI стагоддзяў у сферы традыцыйнай літаратуразнаўчай праблематыкі, звязанай з пазнаннем нацыянальнай спецыфікі мастацтва слова, асабліваю ўвагу даследчыкаў прыцягнулі магчымасці нацыянальных літаратур у выяўленні і фарміраванні светапогляднай асновы тых людскіх супольнасцей, да якіх яны належаць. Прызнанне каштоўнасці культурнай разнастайнасці чалавецтва, зробленае ў гэты час у кантэксце супрацьстаяння працэсам глабалізацыі, садзейнічала актуалізацыі ў навуковым дыскурсе тэмы рэпрэзентацыі нацыянальнага быцця мастацтвам слова і замацаванню за ёй статусу аднаго з прыярытэтных даследчыцкіх кірункаў сучаснага параўнальнага літаратуразнаўства. У апошнія дзесяцігоддзе яго ўкраінскімі (Д. Налівайка, В. Будны) і расійскімі прадстаўнікамі (В. Хораў, В. Зямскоў, А. Палякоў) актыўна распрацоўваецца праблемнае поле літаратурнай імагалогіі – новай галіны кампаратывістыкі, прадметам даследавання якой з'яўляюцца вобразы свайго нацыянальнага свету і свету прадстаўнікоў іншых нацыянальных супольнасцей. Мэта дадзенага артыкула заключаецца ў тым, каб, выкарыстоўваючы тэарэтыка-метадалагічныя падыходы літаратурнай імагалогіі, вызначыць у кантэксце развіцця беларускай літаратурнай традыцыі асаблівасці структуры нацыянальнага вобраза свету.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

У практыцы даследавання катэгорыі мастацкага вобраза заўсёды лічыцца важным адзначыць тую адметную частку яго зместу, якая выяўляе індывідуальнасць творчага мыслення пісьменніка. У сваю чаргу праблема ўвасаблення нацыянальнага вылучае ў мастацкім вобразе той узровень непаўторнасці, які абумоўлены шэрагам пэўных жыццёвых абставін, што звязваюць аўтара з унікальным культурным і прыродным асяроддзем. Як і кожны чалавек, пісьменнік фарміруецца пад уплывам канкрэтнага часу, мясцовасці, акаляючага грамадства, а таму адлюстроўвае праз уласнае бачанне свету не толькі асабістыя, але і тыя агульныя ўяўленнямі, якія ўказваюць на яго прыналежнасць да людской супольнасці і залежнасць ад яе калектыўнага досведу. Гэтае светапогоднае адзінства найлепш раскрываецца ў кантэксце літаратурнай традыцыі, выяўляе сябе праз увагу розных пакаленняў пісьменнікаў да адных і тых жа дэталей, тэм, праблем і характарызуецца ўстойлівасцю дадзеных ім ідэйна-эстэтычных ацэнак.

Узятыя паасобку ў мастацкім творы носыбіты нацыянальнага сэнсу, могуць быць разгледжаны як каларытная мастацкая дэталі, этнаграфічны кампанент, фальклорны або міфалагічны матыў, этнічны стэрэатып, топас і г. д. Разам з тым агульная функцыянальная скіраванасць дадзеных элементаў на фарміраванне цэласнага ўяўлення пра быццё нацыі абумоўлівае неабходнасць вызначэння для іх адмысловага літаратуразнаўчага паняцця. З гэтай нагоды заслугоўвае ўвагі тэрмін "літаратурны этнаобраз", пад якім украінскі навуковец В. Будны прапануе разумець "такі літаратурны вобраз, які канструюе не толькі індывідуальныя рысы, але і этнічную (нацыянальную) ідэнтычнасць выяўленых персанажаў, краявідаў або гістарычнага

мінулага, падаючы пэўныя іх прыкметы як "тыповыя" для дадзенай краіны, "характэрныя" для цэлага народа" [1].

Літаратурныя этнавообразы з'яўляюцца базавымі элементамі выражэння нацыянальнага бачання свету, тымі шматлікімі кропкамі апоры, на якіх выбудовваецца ідэнтыфікацыя нацыі ў гістарычнай і географічнай карцінах свету, а таксама ў адносінах з іншымі супольнасцямі. Узаемасувязь літаратурных этнавообразаў, прадстаўленых у мастацкай традыцыі пэўнай нацыі ў колькасці, дастатковай для таго, каб рэпрэзентаваць спецыфіку яе супольных уяўленняў пра чалавека і грамадства, прастору і час іх быцця, вызначае ў нашым разуменні змест паняцця "нацыянальны вобраз свету". Уласна кажучы, даследаванне нацыянальнага вобраза свету ў мастацкай літаратуры – гэта вылучэнне ў існуючым мностве індывідуальна-аўтарскіх варыянтаў асэнсавання рэчаіснасці тых канцэптаў, якія сведчаць аб светапоглядным адзінстве пісьменнікаў як прадстаўнікоў адной нацыянальнай супольнасці.

Пошук у літаратурнай традыцыі адзнак калектыўнага светапогляду прыцягвае ўвагу даследчыкаў нацыянальнай праблематыкі да паняцця архетып, уведзенага ў навуковы ўжытак псіхологам К. Юнгам для вызначэння вобразаў калектыўнага бессвядомага. У сучаснай гуманітарнай навуцы архетыпы разглядаюцца "ў якасці ўстойлівых структур апрацоўкі, захавання і рэпрэзентацыі калектыўнага вопыту" [2, 30] і падзяляюцца на ўніверсальныя, якія ўласцівы ўсяму чалавецтву, і этнічныя, якія "адлюстравваюць і адначасова ў пэўным сэнсе вызначаюць адметныя рысы ментальнасці, характару, гістарычнага лёсу таго ці іншага народа" [2, 31].

Натуральнай сферай бытавання архетыпаў з'яўляецца міфалагічная і фальклорная спадчына, трапляючы ў літаратуру, яны становяцца мастацкім сведчаннем быцця нацыі, яе адзінства і ўстойлівасці развіцця. Я. Гарадніцкі, напрыклад, адзначае наяўнасць такіх сувязей з "адвечнымі мадэлямі светаўладкавання" [3, 59] ў творах Я. Купалы на тэматычным, вобразным і нават рытміка-інтанацыйным узроўнях. Апошнія ўяўляюцца асабліва складаным для даследавання, бо ў крытэрыях ацэнкі вартасці паэтычнага стылю такія рысы, як арыгінальнасць, індывідуальнасць, цалкам пераважаюць над перайманнем. Больш відавочным для выяўлення тыпалогіі нацыянальнага з'яўляецца той вобразны і тэматычны ўзровень, на якім і адбываецца узаемадзеянне вобразаў-архетыпаў і згаданых вышэй літаратурных этнавообразаў. Па сутнасці, гэтыя два рэпрэзентатыўныя элементы нацыянальнага ў мастацкім слове маюць блізкі змест, адлюстравваюць аднакі духоўнага і матэрыяльнага быцця адной і той жа людскай супольнасці, выконваюць аднолькавыя задачы. Розніца паміж імі абумоўлена тым, што архетып абавязкова мае міфалагічнае паходжанне і глыбокую традыцыю бытавання, у той час як літаратурны этнаобраз адзначае больш шырокае паняцце, можа быць вынайздзены аўтарам і, адпаведна, мець бачную гісторыю мастацкага асэнсавання.

Структура нацыянальнага вобраза свету выбудовваецца ў літаратуры такім чынам, што яе падмурак складаецца менавіта з тых пракаветных, устойлівых уяўленняў, якімі з'яўляюцца архетыпы. Увасобленыя ў мастацкай традыцыі, яны перастаюць быць неўсвядомленымі вобразамі, паколькі з часам раскрываюць сваю значнасць і пачынаюць цалкам свядома ўжывацца для рэпрэзентацыі нацыянальнага свету. Так, пісьменнікі Беларусі XIX ст., закладаючы асновы нацыянальнай мастацкай свядомасці праз перайманне вобразаў і матываў мясцовага фальклору, нанеслі першыя адценні беларускасці на такія важныя вобразы-архетыпы, як лес, курган, зямля, родная хата. Адштурхоўваючыся ад гэтай архетыповай асновы, працэс далейшага асваення акаляючага свету, "беларусізацыі" яго духоўнай і матэрыяльнай частак дазволіў айчынай літаратуры адкрываць ужо новыя арыгінальныя, раней не спазнаныя вобразы (беларус-селянін, родная мова, васількі, скрыжаванне дарог і інш.), якія сталі знакавымі для беларускай нацыянальнай супольнасці.

Беларуская літаратура XIX – пачатку XX ст. з'явілася той творчай пляцоўкай, на якой адбывалася фарміраванне мастацкай мадэлі беларускага свету, вызначаліся яго географічныя і гістарычныя параметры, апрабоўваліся розныя варыянты ідэйна-эстэтычнага іміджу. Натуральна, што з таго часу ў мастацкім успрымання с'ябе (аўтавообраз) адбыліся пэўныя змены. Архетып зямлі на сённяшні дзень, напрыклад, аказаўся больш звязаным з экалагічнай тэматыкай і не мае таго сацыяльнага зместу ў выражэнні нацыянальнага светабачання, якім ён валодаў у беларускай літаратуры пачатку XX ст. У сваю чаргу вобраз шляхціца пазбавіўся ад традыцыі адназначнага негатыўнага ўспрымання і заняў належнае месца ў сучаснай гістарычнай прозе сярод пазнавальных нацыянальных персанажаў. Гэтыя і іншыя перамены сведчаць, што афармленне нацыянальнага вобраза свету залежыць ад гістарычных абставін, але самі элементы яго

канструкцыі не знікаюць бяследна. Як відаць, традыцыя асэнсавання аўтавобраза мае той самы характар "напластавання", які быў вызначаны В. Зямсковым у дачыненні да вобраза *ініага* свету. "Старое, – па словах даследчыка, – ніколі не знікае і заўсёды можа ўзнікнуць з глыбінь гісторыі ў абставінах, якія актывізуюць памяць рэцыпіента аб "іншым", і ў тым, што датычыцца яго "станоўчых", і ў тым, што датычыцца яго "адмоўных" бакоў" [4].

Пачатак традыцыі напаўнення мастацкай формы нацыянальным зместам быў звязаны ў беларускай літаратуры найперш з эстэтызацыяй мясцовай прыроды. У свой час М. Багдановіч, праводзячы прамую аналогію паміж адзнакамі беларускага ландшафту і вартасцямі беларускай літаратуры, указваў на неабходнасць забеспячэння своеасаблівай пераемнасці паміж імі. "Край беларускі, – казаў паэт, – лясісты і балотысты. Вось нам і трэба стварыць паэзію лесу, паэзію дрыгвы. Украінская стыхія – стэп, у нас наша стыхія – лес і балота. Тут ёсць свая адменная краса, адменная рытміка, адменны чар. Трэба іх падгледзець, знайсці і вынесці на шырокі свет..." [5, 27]. У мастацкай літаратуры замацаваўся тыповы беларускі краявід, прадстаўлены малюнкам асвоенай чалавекам прасторы (сялянскі двор, ралля, жніво і інш.), з якой непасрэдна мяжуюць вобразы некранутай прыроды – лес, балота, рака. Дадзены пейзаж не толькі акрэсліў тую прастору, якая была асэнсавана беларускім этнасам як свая ўласная, але і ўвасобіў у суладнасці існавання тутэйшага чалавека і навакольнага свету канцэптуальную аснову нацыянальнага быцця.

Вывяўленне гармоніі чалавека і прыроды, абумоўленае ў многім захаванасцю ў фальклоры беларусаў рэшткаў пантэістычнага светаўспрымання, стала адметнай рысай айчыннай мастацкай свядомасці і адной з найважнейшых характарыстык, дадзеных ёю вобразу свайго свету. Непасрэдна ў прасторавай праекцыі мастацкай мадэлі нацыянальнага быцця яна арганічна суаднеслася з пісьменніцкім культам малой радзімы. Воблік вядомых з дзяцінства мясцін, песна знітаваны ў памяці з гэтай шчаслівай парой, звычайна ідэалізаваўся аўтарамі, увасабляў свой натуральны, "прыродны" ўклад жыцця ў процівагу іншаму, вялікаму свету людской цывілізацыі. Дадзенае супрацьпастаўленне прасочваецца ў многіх знакавых для рэпрэзентацыі нацыянальнага свету творах. Засценак шляхціца Завальні Я. Баршчэўскага, леснікова сядзіба Якуба Коласа, "роднае карэнне" Малой Багацькаўкі М. Гарэцкага, палескія Курані І. Мележа – гэта далёка няпоўны шэраг тых хрэстаматыйных тапанімічных вобразаў, якія засведчылі прыярытэт рэгіянальнага ў асэнсаванні беларускай літаратурай сваёй Бацькаўшчыны і адначасова замацавалі ў змесце гэтага вобраза рысы патрыярхальнасці і нават правінцыйнасці. Заўважым, што ў святле кансерватыўнага беларускага менталітэту такая афарбоўка не аказвала негатыўнага ўплыву на імідж роднага краю, а наадварот, выглядала пераважна яго станоўчай характарыстыкай.

Беларуская літаратура назапасіла вялікую колькасць унікальных гісторыка-геаграфічных вобразаў, з абсягамі якіх аўтары ідэнтыфікавалі сябе, атаясамлівалі свой свет. Аднак уявіць на іх аснове адзіны вобраз Радзімы дастаткова складана па прычыне яго шматмернасці, мазаічнасці. Апафеоз малой радзімы, нягледзячы на ўласцівы яму шчыры патрыятызм, абмяжоўваў разуменне *свайго* лакальнымі маштабамі і тым самым стрымліваў выпрацоўку ў літаратурнай традыцыі агульнага панарамнага бачання нацыянальнага свету. Прынамсі, тая перманентная для беларускай мастацкай свядомасці перавага, якой пры вызначэнні найважнейшай кропкі сусвету валодае ў вачах пісьменніка край яго маленства, падмяняла сабой доўгі час вырашэнне пытання аб цэнтры нацыянальнага свету. У XX ст. на гэтую ролю эпізодычна вылучаліся пісьменнікамі такія значныя ў беларускай гісторыі гарады, як Полацк, Вільня, Гародня. Пачынаючы з другой паловы мінулага стагоддзя, беларуская літаратура паступова засяроджвае ўвагу на вобразе Мінска, аддаючы тым самым належнае сталічнаму статусу горада, а таксама яго ролі ў нядаўніх падзеях Вялікай Айчыннай вайны ("Гандлярка і паэт", "Сэрца на далоні" І. Шамякіна, "Мінскі напрамак" І. Мележа). У межах эпічнага асэнсавання гэтай тэмы, што выконвала ў савецкі час функцыю аднаго з галоўных індыкатараў беларускасці, сталіца краіны стала ўспрымацца сімвалам гераізму і трагедыі ўсяго беларускага народа. Такім чынам, вобраз Мінска, на наш погляд, упершыню, замацаваўся ў тым агульнанацыянальным ідэалагічным кантэксце, захаванне і актуалізацыя ў якім працягваецца беларускай літаратурай і па сённяшні дзень.

Звяртае ўвагу на сябе той факт, што праблема вылучэння цэнтра непасрэдна актывізуе гістарычнае вымярэнне мастацкай мадэлі свайго свету. Агульнанацыянальны статус вобраза сталіцы, яго цывілізацыйная семантыка ў адрозненне ад пазачасавага правінцыйнага вобраза малой радзімы грунтуецца не на асабістай біяграфіі аўтара, хаця і не выключае яе, а на ўсведамленні агульнага гістарычнага лёсу народа. У сістэме нацыянальных уяўленняў аб часе свайго існавання, дзе ўзнікненне кожнага горада ўспрымаецца як важная падзея мінулага,

вылучэнне сталіцы ў цэлым азначае пачатак нацыянальнай гісторыі. Памяць нацыі, уяўленне ёю свайго супольнага гістарычнага вопыту звычайна абапіраецца на тыя часы, калі яе усвядомленай людскай супольнасці яшчэ не існавала. Паэтычныя фраза Р. Барадуліна "ад Полацку пачаўся свет" – выдатна перадае тую прасторавую і часавую дамінанту, з якой у айчынай літаратурнай традыцыі звязваюцца вытокі беларускасці. Яе храналагічнае нападзенне непасрэдна аказваецца знітаным са знакавымі падзеямі мінулага: перамогамі і паражэннямі Вялікага Княства Літоўскага, паўстаннем 1863 года, калектывізацыяй і рэпрэсіямі, Вялікай Айчынай вайной, чарнобыльскай аварыяй і постчарнобыльскім жыццём. Усе гэтыя вобразы з'яўляюцца рэпрэзентатыўнымі гістарычнымі мадэлямі нацыянальнага вобраза свету, тымі яго базавымі элементамі, якія змяшчаюць вельмі важныя для нацыянальнай ідэнтычнасці міфалагічныя канструкцыі пра паходжанне нацыі, яе залаты век, страчаны рай і перажытую трагедыю.

Выяўленне цэнтра свайго свету і пункта адліку яго гістарычнага часу з'яўляецца асновай цэласнасці структуры аўтавобраза, у той час як цалкам завершаны вобраз надае яму катэгорыю мяжы. Уласна кажучы, вобраз свайго свету заканчваецца там, дзе пачынаецца свет *іншы, чужы*, без існавання гэтага *другога* немагчыма ўсвядоміць *сябе*. У прасторавым аспекце гэта азначае асэнсаванне вобраза іншай краіны, якое адбываецца на аснове супастаўлення з вёдамі і ўяўленнямі пра свой родны край і такім чынам з'яўляецца дастаткова суб'ектыўным. Зручны мастацкі ход для выяўлення вобраза іншай краіны, правядзення мяжы паміж сваім і чужым прадстаўляюць у літаратуры прыгодніцкія і падарожныя сюжэты, у якіх ствараецца сітуацыя непасрэднага дакранання да свету іншага. Аднак нацыянальная мастацкая свядомасць вызначаецца этнацэнтрнасцю і толькі зрэдку скіроўвае свой погляд на іншыя краіны. Нягледзячы на важныя ў гэтым плане для беларускай літаратуры творы ("Жыццё Еўфрасіні Полацкай", "Авантуры майго жыцця" С. Пільштыновай, прыгодніцкія апавесці Я. Маўра), экзатычны вобраз "іншага" ў ёй не замацаваўся. Адметнасць трактоўкі беларускімі аўтарамі іншых краін добра перадае паэтычны афарызм "каб любіць Беларусь нашу мілую, трэба ў розных краях пабываць". Эмацыянальнай дамінантай успрымання вобраза чужбіны ў беларускай літаратурнай традыцыі з'яўляецца не захапленне яе інакшасцю, а тое пачуццё адарванасці ад сваёй радзімы, якое добра вядома беларускаму чытачу па паэме "Песня пра зубра" М. Гусоўскага ці "Крымскіх санетах" А. Міцкевіча.

У айчынай літаратурнай традыцыі вобраз іншага часцей за ўсё раскрываецца ў кантэксце асэнсавання аўтарамі зместу свайго свету, паўстае ў якасці таго чужароднага элемента, з дапамогай якога лепш праяўляецца беларускасць. У гэтым плане арыгінальнай спробай пазнання зместу роднага краю з'яўляецца яго выяўленне ў выглядзе той незвычайнай, экзатычнай краіны, якой яна бачыцца прадстаўнікам іншых этнасаў ("Сівая легенда" У. Караткевіча, "Сны імператара" У. Арлова). Аднак успрыманне постаці іншага ў беларускай літаратуры пераважна абумоўлена міфалагічнай карцінай свету, у адпаведнасці з якой дадзены вобраз рэзка супрацьпастаўляецца вобразу "Я", вызначаецца негатыўнай семантыкай, дэманізуецца. Такі падыход ляжыць у аснове літаратурнай традыцыі выяўлення чужога (вобразы чарнакніжніка і Белай Сарокі ў апавесці "Шляхціц Завальня" Я. Баршчэўскага) і да сённяшняга часу застаецца эфектыўным сродкам актуалізацыі пачуцця нацыянальнага самазахавання, пра што сведчаць апавесці сучасных беларускіх аўтараў: Ю. Станкевіча "Любіць ноч – права пацуюць", Ф. Сіўко "Удог".

Вывады

Такім чынам, структура нацыянальнага вобраза свету ў беларускай літаратуры характарызуецца наяўнасцю дзвюх мадэлей яго мастацкага ўвасаблення: канцэпту малой радзімы, аформленага пераважна ў выніку пераймання светапогляднай народнай традыцыі, і вобраза Беларусі, звязанага з вылучэннем аўтарамі катэгорыі агульнанацыянальнай самабытнасці. Іх ўзаемадзеянне дазволіла выявіць у літаратурнай традыцыі тыя светапоглядныя і гісторыка-геаграфічныя арыенціры, якія вызначаюць аснову беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Будный, В. Розгадка чарів Цірцеі: нацыянальныя образы та стэратыпы восвітленні літаратурной этноімагологіі : [Электронный ресурс] / В. Будный // Слово і час. – 2007. – № 3. – Рэжым доступу : <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/11392/07-Budnyy.pdf>. – Дата доступу : 30.09.2016.

2. Дубянецкі, Э. С. Архетып культуры / Э. С. Дубянецкі // Культуралогія: Энцыклапедычны даведнік / Э. С. Дубянецкі. – Мінск : БелЭн, 2003. – С. 30–31.
3. Гарадніцкі, Я. Паэтыка беларускай літаратуры XX стагоддзя: суб'ектыўна-аб'ектыўныя адносіны / Я. Гарадніцкі. – Мінск : Беларуская навука, 2010. – 322 с.
4. Земсков, В. Б. Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) / В. Б. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. Литературоведение. – 2006. – № 1. – Режим доступа : http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=37&binn_gubrik_pl_articles=246. – Дата доступа : 30.09.2016.
5. Ластоўскі, В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічу / В. Ластоўскі // На суд гісторыі: успаміны, дыялогі / уклад. Б. І. Сачанка. – Мінск : Маст. літ., 1994. – С. 24–31.

Поступила в редакцию 06.10.16

E-mail: pauloko7h@gmail.com

P. R. Koshman

PECULIARITIES OF NATIONAL IMAGE OF THE WORLD BUILDING IN THE BELARUSIAN LITERARY TRADITION

The article is devoted to building of national image of the world in the Belarusian literary tradition; continuity in the structure of images- archetypes and literary ethno-images is observed; cooperation of local and general national levels of artistic discovery is shown; basic approaches to view of strange world are determined.

Keywords: National image of the world, archetype, literary ethno-image, literary imagology, Belarusian literature.

УДК 811.161.1.06

Т. В. Лобан

Аспирант кафедры русского, общего и славянского языкознания,
ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь
Научный руководитель: Кураш С. Б., к. ф. н., доцент,
зав. каф. белорусской и русской филологии МГПУ им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Беларусь

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена прецедентным феноменам (ПФ) англоязычной лингвокультуры, функционирующим в коммуникативном пространстве современного русского языка. Рассматривается трактовка термина «прецедентный феномен», анализируются различные варианты его понимания в трудах современных лингвистов, определяются категориальные признаки ПФ, их структура и типология, намечаются перспективы развития теории прецедентности.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентное имя, теория прецедентности, термин, классификация, методы исследования.

Введение

Инокультурные прецедентные феномены – это результат кросс-культурного общения, которое ускоряет процессы современной глобализации общества за счет интенсификации различных способов международной коммуникации: современных компьютерных технологий, научно-исследовательских и просветительских проектов, культурных обменов и т. п.

Выезжающие за рубеж с различными целями стремятся больше узнать о стране пребывания, приобщаются к традициям и нравам иностранцев, активно изучают их язык. Одним из эффективных способов усвоения «иноземной» культуры является освоение прецедентных феноменов (ПФ), или, как определила их Е. Д. Горячева, «готовых блоков» для переработки получаемой информации в процессе коммуникации, вызывающие прогнозируемые ассоциации, которые одинаковы для представителей одного лингвокультурного сообщества [1].

Человек, как известно, является носителем не только языка, но и культуры. Взаимопонимание между адресатом и адресантом будет достигнуто, если присутствует общность фоновых знаний обоих участников коммуникации. По мнению Д. Б. Гудкова, «именно владение знаниями и представлениями, входящими в когнитивную базу и имеющими надличностный инвариантный характер, позволяет индивиду ориентироваться в пространстве соответствующей культуры и действовать по ее законам» [2]. «Основу фоновых знаний коммуникантов, – пишет Ю.В. Веденёва, – и составляют прецедентные феномены» [3].

Результаты исследования и их обсуждение

Принято считать, что разработка теории прецедентности началась с выступления Ю.Н. Караулова на «VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы» в 1986 г. на тему «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности». Стратегии методологии прецедентности стали активно разрабатываться только в конце XX – начале XXI века. Системность изучению феномена прецедентности придали исследования Ю.Н. Караулова (1986) [4].

Как справедливо отметила Н. В. Петрова, «термин “прецедентный текст” оказался востребованным в среде ученых, в результате чего в ходе своего эволюционного развития... приобрел множество «терминов-собратьев», включающих в свой состав определение “прецедентный”; наряду с узким толкованием получил широкую трактовку; явился объектом дифференцированного подхода к изучению; расширил свое изначальное терминологическое значение за счет уточнения понятийных составляющих термина» [5].

Таким образом, накопление исследовательского материала по данной проблеме позволило учёным не только определить понятие «*прецедентный феномен*» как родовое (гипероним), но и выделить его видовые разновидности (гипонимы), что и представлено в таблице.

Таблица – Категориальный аппарат теории прецедентности

№	Название ПФ	Сокращенный вариант названия	Источник происхождения	Примеры ПФ
1.	Прецедентный текст	ПТ	Хрестоматийные произведения художественной культуры	«Повелитель мух» (<i>p-n У. Голдинга</i>)
			Анекдоты	«Британские ученые выяснили, что наибольшее число британских ученых проживает в Британии»
			Тексты песен	«Show must go on» (<i>гр. «Queen»</i>)
			Реклама	«Всегда Coca-Cola» (<i>слоган ком. «Coca-Cola»</i>)
			Мифы	«Гоблины» (<i>сверхъест.человекопод. созд.</i>)
			Произведения устного народного творчества	«Робин Гуд» (<i>гер. средневек. англ. б-д</i>)
			Библейские тексты	«Всякой твари по паре» (<i>Бытие, Глава 7</i>)
			Публицистические тексты историко-философского и политического характера	««Железная леди» становится ядерной. Новый британский премьер ужесточает политику по отношению к Брюсселю в Москве» (<i>газ. «Коммерсант.ги»</i>)
2.	Прецедентная ситуация	ПС	Реальное событие, оставившее свой след в истории какого-либо лингвокультурного сообщества	9/11 или одиннадцатое сентября (<i>день, ознам. в истории США серией самоуж. террор. акт.</i>)
			Факт (случай) из жизни какого-либо известного человека	«Ньютон и яблоко»
3.	Прецедентное высказывание	ПВ	Цитата из тестов различного характера:	
			из произведений художественной литературы, песен	«We are the champions, my friends» (<i>гр. «Queen»</i>)
			из устной коммуникации	«I love you»
			из фрагментов кинофильмов	«Good bye, America» (<i>из к/ф «Брат-2, гр. Nautilus Pompilius»</i>)
4.	Прецедентное имя	ПИ	имена собственные реальных исторических лиц	«Маргарет Тэтчер»
			имена литературных персонажей	«Гарри Поттер»
			мифонимы	«Геркулес»

Общность подходов в трактовке дефиниций основных прецедентных типов прослеживается в работах Ю. Е. Прохорова [6], Д. Б. Гудкова [2], В. В. Красных [7] и др., поэтому в нашем исследовании мы оперируем определениями Ю. Е. Прохорова, которые прочно закрепились в современной лингвистике.

Так, в современной лингвистике под *прецедентным текстом* понимается «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак», знакомый «любомu среднему члену лингвокультурного сообщества»; «обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы» [6].

Прецедентное высказывание – это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть и не быть предикативной». Типичным прецедентным высказыванием является цитата» [6].

Под *прецедентной ситуацией* понимается «некая «эталонная», «идеальная» ситуация с определенными коннотациями». Примером прецедентной ситуации может служить ситуация предательства Иудой Христа, которая понимается как эталон предательства вообще» [6].

Прецедентное имя – это «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (например, Обломов, Тарас Бульба), или 2) с ситуацией, широко известной носителям и выступающей как прецедентная (например, Иван Сусанин, Колумб)» [6].

«География» научных изысканий прецедентных феноменов в конце XX века расширилась и, как утверждает Н. В. Петрова, породила терминологические производные данного понятия. Ученые дополнительно выделили такие понятия, как «прецедентная текстовая реминисценция» [Супрун, 1995, Прохоров, 1996] («Моё изречение: существует четыре вида лжи: ложь, наглая ложь, статистика и журналистика», *из интернет-форума, восх. к изреч. М. Твена «Существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика»*), «прецедентные онимы» [Фомин, 2003] (*М. Тэтчер, У. Шекспир*), «прецедентный топоним» [Березович, 2002] (*Хиросима и Нагасаки*), «прецедентный жанр» [Проскурина, 2004] (*английский детектив*), «прецедентный мир» [Красных, 1998; Слышкин, 2000; Балашова, 2008] (*«Властелин колец», «Звездные войны», «Гарри Поттер и философский камень»*), «прецедентный образ» [Чумак-Жунь, 2005] («Дядя Сэм») [5].

Таким образом, разрабатывая теорию прецедентности, которая взаимосвязана с теорией интертекстуальности, исследователи подошли к еще одной, широкой, трактовке термина с определением «прецедентный» – *прецедентный мир*.

Возникновение этого нового терминологического обозначения (*прецедентный мир*) обусловлено междисциплинарным характером ПФ, который сегодня стал объектом изучения многих научных дисциплин: лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, межкультурной коммуникации и др.

Прецедентный мир, по словам Л. В. Балашовой, это «комплексные лингвоконцептологические образования, интегрирующие отдельные прецедентные феномены» [8]. В свою очередь Г. Г. Слышкин понимает *прецедентный мир*, как «сложный элемент концептосферы, объединяющий концепты единичных прецедентных феноменов, находящиеся в системной взаимосвязи и регулярно функционирующие в коммуникации в различных комбинациях друг с другом; при этом «концептуализируемые прецедентные миры могут быть плодом авторского воображения и входить в сознание носителей культуры в результате знакомства с художественными текстами» [9] (прецедентный мир английского писателя Дж. Р. Р. Толкина (В. В. Сидорова)) [10].

В работах Л. Талми [11] и Н. А. Голубевой [12] рассматриваются *прецедентные единицы* – когнитивные знаки, которые «функционируют как образцовые языковые факты, служащие моделью для воспроизводства сходных фактов и представленные в речи определенными вербальными сигналами, которые актуализируют стандартное или нестандартное (по своей креативности) содержание» [12].

«Формируя номинативную систему, – пишет Л. Талми, – прецедентные единицы представляют собой совокупность разнородных формальных, грамматических, лексических и прагматических средств языка, которые объединяются в сложное целое, созданное по единой, понятийно-знаковой когнитивно-значимой модели – *прецедентеме*. Прецедентеме реализуют разноуровневые лингвоментально ценные единицы, слова-понятия, которые имеют прецедентное значение, а именно: фактивность знания о событии, предмете, образе, его качестве или свойстве» [11].

Следует отметить, что общность позиций ученых наблюдается в выработке категориальных характеристик прецедентов: производность, ментальность, стереотипность (повторяемость, узнаваемость), гетеронимативность (номинативно-знаковая вариативность), реляционность, отсылочность, репрезентационность, лингвокреативность (неординарность, словотворческое новаторство) [11].

Вслед за В. В. Красных и Д. Б. Гудковым систематизацию прецедентных феноменов осуществляет Ю. Е. Прохоров, соотнося данное понятие с уровнями языковой личности. Ученый выделяет четыре уровня ПФ, носителем которых является языковая личность:

- «как индивидуум» – первый уровень (автопрецедентный);
- «как член определенного социума» – второй уровень (социумно-прецедентный);
- «как член определенного национально-культурного сообщества» – третий уровень (национально-прецедентный);
- «как член рода человеческого» – четвертый уровень (универсально-прецедентный) [6].

В. В. Красных в своих работах исключает автопрецеденты и настаивает на трехуровневой классификации, включающей в себя социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные уровни [7].

Г. Б. Денисова в работе «В мире интертекста: язык, память, перевод» представляет свою классификацию прецедентности. Авторская «интертекстуальная энциклопедия» (т. е. набор прецедентных текстов языковой личности) содержит, по её мнению, три типа (универсальный, национальный, индивидуальный), которые дополняют друг друга и варьируются в зависимости от уровня развития (физического, интеллектуального, психологического и др.) языковой личности [13].

Итак, разработка типологии ПФ ведется в нескольких направлениях: от более широких подходов в определении конфигурации когнитивного национального пространства, взаимодействия и взаимовлияния его структурных элементов до более узкого, частного изучения «умирающих» или «рождающихся» ПФ как инвариантов восприятия. Вслед за С. В. Банниковой под «национальным когнитивным пространством» мы понимаем «структурированную совокупность знаний и представлений, которыми обладает каждый представитель лингвокультурного сообщества» [14]. На рисунке представлена классификация типов прецедентных феноменов англоязычной лингвокультуры, которые функционируют в коммуникативном пространстве современного русского языка, что позволяет представить классификацию прецедентных феноменов максимально полно:

1. По способу прихода в язык следует различать выражения, образованные путем транскрипции («*фифти-фифти*»; «*бэйби бум*»); выражения-кальки («*точки над "i"*», «*9/11*»); идиоматические выражения, содержащие компоненты, восходящие к англоязычной национальной культуре («*английский юмор*», «*Овсянка, сэр!*»).

2. По структурно-семантическим характеристикам выделяют: однокомпонентные (*ok, alright*) и многокомпонентные прецедентные феномены («*to be or not to be*», «*GOOGLE тебе в помощь!*»).

3. По характеру функционирования выделяют: универсально-прецедентные (*трагедии Шекспира, Гулливер, Шрек*), национально-прецедентные («*мама Стифлера*» – *гер. ком. «Американский пирог»; Стивен Хокинг – английский физик-теоретик, популяризатор науки*), социумно-прецедентные («*супер-сет*» – *цикл физ. упр-й*), автопрецедентные («*Kuz'kina mother*» – *идиома «Кузькина мать» в дословном переводе, восходит к изречению Н. С. Хрущева, сказ. на XV асс. ООН в 1960 г.*).

4. По стадиям жизненного цикла: активные («рождающиеся») («*одиноким волк*» – *террорист-одиночка; стало активно использоваться в публицистических заметках летом 2016 года после совершения ряда террористических актов в Европе*), пассивные («умирающие») («*Бостонское чаепитие*» – *акция прот. амер. кол-ов в 1773 г.*).

5. По способу восприятия: вербальные (лингвистические) (*How are you?, Oh, my God!*) и невербальные (феноменологические) (*Big Ban, White House*).

Инокультурные прецедентные феномены с точки зрения их содержания, структуры, особенностей функционирования в современном русском лингвокультурном пространстве исследуются как традиционными методами (аналитико-описательный, методы контекстологического анализа, метод статистической обработки, метод сплошной выборки, метод когнитивной интерпретации эмпирического материала, классификационный метод и др.), так и инновационными методами, которые отражают комплексный, системный подход в области

научного поиска: синхронный подход с элементами диахронного анализа, свободный ассоциативный эксперимент, интерпретивный анализ цитатного комплекса и его текстового окружения, когнитивно-дискурсивный анализ, сопоставительный лингвокогнитивный анализ, интроспекция, метод когнитивного моделирования и др.

Изучение проблемы прецедентности в теории межкультурной коммуникации и культурной антропологии на современном этапе является весьма актуальным и поэтому дискуссионным. Как справедливо замечает Л. И. Гришаева, споры ученых чаще всего вызывает «выявление оснований, по которым можно было бы судить о факторах, обуславливающих культурную целостность в синхронии и культурную континуальность в диахронии» [15]. За прецедентными феноменами закрепляют функцию «культурной скрепы» и отображают «междисциплинарное измерение» данного понятия [16].

Рисунок – Классификация типов прецедентных феноменов англоязычной лингвокультуры, функционирующих в коммуникативном пространстве современного русского языка

Как утверждает В. В. Красных, многомерность ПФ обуславливает его структурную организацию, что позволяет использовать современное словоупотребление – 3D-форматность – применительно к модели прецедентного феномена:

- 1) остается «плоскостной»;
- 2) не имеет вертикали;
- 3) обладает «горизонталью» [17, 214].

В книге ««Свой» среди «чужих»: миф или реальность?» В. В. Красных пишет: «В данном случае едва ли можно говорить о строго иерархизованной «вертикальной» системной организации, так как элементы, входящие в систему и ее составляющие (т. е. прецедентные феномены), не строятся по оси «верх/низ», но соотносятся лишь по шкале вербализованности/невербализованности. Напомню, что ПИ и ПВ входят в когнитивную базу не только в совокупности своих дифференциальных признаков и значений-смыслов, но и как таковые. Они хранятся в виде феноменологических и лингвистических

когнитивных структур и являются, таким образом, вербальными феноменами. В то же время ПТ и ПС входят в когнитивную базу как инварианты восприятия, хранятся в виде феноменологических когнитивных структур и являются, следовательно, феноменами вербализуемыми. Интересно, что актуализироваться данные феномены (как вербальные, так и невербальные) могут не только с помощью вербальных средств» [17, 214].

Обратим внимание на то, что, согласно определению В. А. Масловой, под когнитивной базой мы понимаем «определенным образом структурированную совокупность обязательных знаний того или иного лингвокультурного общества, которыми обладают все говорящие на данном языке. Когнитивная база формируется когнитивными структурами, которые в свою очередь формируют нашу компетенцию и лежат в ее основе. Информация, кодируемая и хранимая в виде когнитивной структуры, включает в себя не только сведения о мире, но и знание языка и знание о языке» [18].

В. В. Красных выделяет в структуре ПФ две зоны: ядерную (центр) и периферийную. «В центр входят те компоненты инвариантов восприятия, апелляция к которым постоянно наблюдается в коммуникации и которые первыми «всплывают» при восприятии, – отмечает ученый, – а в периферию, соответственно, те компоненты, которые, не будучи частотными с точки зрения их использования в общении, позволяя неоднозначно и адекватно интерпретировать случаи апелляции к ним, если таковая имеет место» [17, 218].

Ядро и периферия ПФ весьма подвижны: «с точки зрения синхронии, между ними есть зона перехода... с точки зрения диахронии, периферийные прецедентные феномены могут постепенно «продвигаться к центру», вытесняя оттуда в область периферии, а то и за границы системы другие феномены, которые ранее принадлежали ядру системы» [17, 217].

Подвижность (диффузность) всей системы ПФ В. В. Красных объясняет двумя факторами: «Во-первых, различия могут наблюдаться по «вертикальной» – временной – оси (т.е. на диахроническом уровне). Во-вторых, значительные различия отмечаются и по «горизонтальной» – пространственной – оси: имеются в виду пространственные в прямом смысле этого слова отношения, т.е. место проживания членов данного национально-лингво-культурного сообщества» [17, с. 215].

Выводы

1. Разработка теории прецедентности является одним из актуальнейших лингвистических направлений, о чем свидетельствуют многочисленные научные изыскания, проводимые на стыке языкознания, лингвокультурологии, психолингвистики, международной коммуникации и др. Системность изучению прецедентного феномена придают взаимодействие с теориями интертекстуальности, теорией языковой личности, теорией речевой деятельности.

2. ПФ, в обобщенном смысле, – это феномен, значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющий сверхличностный характер, т.е. хорошо известный и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности.

3. Классификация ПФ, разработанная В.В. Красных, широко используется в современном лингвистическом дискурсе. Прочно вошли в научный обиход такие термины, как «прецедентный текст», «прецедентная ситуация», «прецедентное высказывание», «прецедентное имя». В среде лингвистов, которые занимаются разработкой теории прецедентности (Ю. Е. Прохоров, Д. Б. Гудков, В. В. Красных), наблюдается общность позиций в формулировке данных понятий.

4. Однако на современном этапе, пишет И. В. Высоцкая в своей статье «Спорные вопросы теории прецедентности», «этот терминологический ряд может быть дополнен и уточнен в связи с анализом новых сфер функционирования прецедентных феноменов» (например, прецедентный знак, прецедентный стихотворный размер, прецедентная композиция, прецедентный стиль и др.), поскольку теория прецедентности «переросла» рамки частной лингвистической теории и представляет собой область филологических исследований междискурсного взаимодействия, «размывающего» границы литературоведения и лингвистики [19].

5. В исследовании прецедентного феномена как научного объекта используются не только традиционные лингвистические методы, но и инновационные, которые отражают комплексный подход в области научного поиска.

Возникают новые методы (рассуждение на основе прецедентности, свободный ассоциативный анализ), задача которых состоит в определении номинативного статуса инокультурных ПФ, в выявлении их положения и функций в когнитивной базе современного русского языка.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Горячева, Е. Д. Роль прецедентных феноменов в формировании национального когнитивного пространства [Электронный ресурс] / Е. Д. Горячева // Scientific World [Международ. науч. журнал]. – Режим доступа : <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology-412/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-412/15045-412-0814>. – Дата доступа: 20.02.2016.
2. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса [Электронный ресурс] / Д. Б. Гудков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text12/09.htm#z_18. – Дата доступа : 22.02.2016.
3. Веденева, Ю. В. Функционирование прецедентных феноменов в англоязычном поэтическом дискурсе (на материале названий стихотворений для детей) [Электронный ресурс] / Ю. В. Веденева // Альманах современной науки и образования: Архив научных статей. – 2008. – № 8 (15): в 2 ч. – Ч. I. – Режим доступа : http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2008_8-1_12.pdf. – Дата доступа: 25.02.2016.
4. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: докл. сов. делегации на 6-м конгр. МАПРЯЛ. – М., 1986. – С. 105–126.
5. Петрова, Н. В. Эволюция понятия прецедентный текст [Электронный ресурс] / Н. В. Петрова // Вестник ИГЛУ, Филологические науки. – 2010. – № 2(10). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-pretседentnyy-tekst#ixzz4Gj5qhB1h>. – Дата доступа : 25.02.2016.
6. Прохоров, Ю. В. Действительность. Текст. Дискурс / Ю. В. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.
7. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность?: Человек. Сознание. Коммуникация : моногр. / В. В. Красных. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
8. Балашова, Л. В. Метафора и языковая картина мира носителя слэнга (на материале прецедентного мира «Детство») [Электронный ресурс] / Л. В. Балашова // Вестник ИГЛУ, Филологические науки. – 2008. – № 2. – Режим доступа: http://www.islu.ru/files/rar/2011/vs/vestnik_2008_2.pdf. – Дата доступа: 02.03.2016.
9. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты : монография / Г. Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 260 с.
10. Сидорова, В. В. Прецедентный мир Дж. Р. Р. Толкина в политическом дискурсе американских и российских СМИ [Электронный ресурс] / В. В. Сидорова // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3 (41). – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/sidorova-12.htm>. – Дата доступа: 02.03.2016.
11. Talmy, L. Force dynamics in language and cognition [Электронный ресурс] / L. Talmy // Cognitive Science. – 1988. – № 12. – Режим доступа : http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1207/s15516709cog1201_2/pdf. – Дата доступа : 02.03.2016.
12. Голубева, Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы [Электронный ресурс] / Н. А. Голубева // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2007. – № 7. – Режим доступа : <http://se2010.narod.ru/index/0-166>. – Дата доступа: 02.03.2016.
13. Денисова, Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Г. В. Денисова – М. : Азбуковник, 2003. – 298 с.
14. Банникова, С. В. Прецедентность как лингвокультурный феномен (На материале английских и русских текстов) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19 / С. В. Банникова. – Тамбов, 2004. – 182 л.
15. Гришаева, Л. И. Армений, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов / Л. И. Гришаева. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1998. – 147 с.
16. Пелипенко, А. А. Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – М. : Издательство «Языки русской культуры», 1998. – 376 с.
17. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК Гнозис, 2003. – 379 с.
18. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику [Электронный ресурс] / В. А. Маслова // Сайт С. П. Курдюмова. – Режим доступа : <http://spkurdyumov.ru/networks/vvedenie-v-kognitivnyu-lingvistiku/>. – Дата доступа: 01.03.2016.
19. Высоцкая, И. В. Спорные вопросы теории прецедентности [Электронный ресурс] / И. В. Высоцкая // Критика и семиотика. – 2013. – № 1(18). – Режим доступа: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs018vysotskaya.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2016.

Поступила в редакцию 24.02.16

E-mail: tanyaloban@mail.ru

T. V. Loban

PRECEDENT PHENOMENON AS A STUDY OBJECT

The article is devoted to a precedent phenomenon. The author studies a PP (precedent phenomenon) functioning in the communicative environment of the Russian language. Much attention is paid to the term “precedent phenomenon” and the analysis of various notion renderings presented by modern linguists. Categorical features of PP, their structure and typology are also under consideration. As a result, new perspectives for further development of precedent system has been determined.

Keywords: precedent phenomenon, precedent text, precedent saying, precedent situation, precedent name, precedent theory, term, classification, research methods.

УДК 811.161.1'373.43:070«21»

А. Л. Стрижак

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания,
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», г. Гомель, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИКИ НАЧАЛА XXI в.)

В статье анализируются функционально-стилистические и семантические особенности употребления эвфемизмов в российских периодических изданиях за период 2001–2014 годов. Рассматриваются вопросы эвфемии и смежных явлений, различные точки зрения на определение понятия «эвфемизм», на место таких слов в современном русском языке. Выделяются и описываются наиболее распространенные тематические группы эвфемизмов, их важнейшие функции в газетном тексте, анализируется специфика употребления эвфемизмов в средствах массовой информации. Определяется воздействие экстралингвистических факторов на степень семантической и оценочной редукции эвфемистических номинаций. Устанавливается корреляция между функцией, реализуемой эвфемизмом в газетном тексте, и степенью выраженности его прагматического потенциала, что определяет возможность подобных номинаций реализовать воздействующую функцию языка.

Ключевые слова: эвфемизм, функционально-стилистические особенности, семантические особенности, воздействующая функция, семантическая редукция, периодические издания, средства массовой информации, прагматический потенциал, оценочный компонент.

Введение

Современные СМИ характеризует полярное отношение к лексической системе языка в аспекте реализации оценочных установок говорящего: от резких, эмоционально насыщенных номинаций до абстрактного, семантически и эмотивно нейтрального именованья описываемых событий и явлений. Объектом рассмотрения настоящей статьи станут эвфемизмы – слова, занимающие особое место в системе стилистических средств русского языка.

Активное изучение явления эвфемии начинается в постсоветскую эпоху: появляется значительное количество работ, посвященных способам образования эвфемизмов в русском языке, целям и средствам эвфемизации, их функционированию в художественном и публицистическом стилях, явлению политической эвфемии [1]–[9] и др. Вместе с тем отсутствует четкий критерий в определении признаков эвфемизмов, что затрудняет разграничение этих лексических единиц и смежных явлений. В частности, в современной лингвистике нет строгого разделения эвфемии и криптолалии (тайноречия), эвфемии и дезинформации, эвфемии и тропики [5, 60]. Все это обусловило существование значительного количества определений эвфемизмов, в основу которых положены различные признаки. Наиболее общее определение эвфемизмов дает Е. П. Сеничкина, относящая к данной группе лексем «слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести» [8, 5]. Н. С. Арапова определяет эвфемизмы как «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [10, 590]. Очевидно, что такая дефиниция относит к исследуемому явлению преимущественно бытовые эвфемизмы. Наиболее близким нашему пониманию эвфемизмов считаем определение Е. К. Павловой, относящей к таким словам «лексемы, употребляемые вместо нежелательных слов или выражений с целью скрыть неприятные стороны действительности за счет смягчения и искажения смысла описываемого факта» [11, 96].

Место эвфемизмов в современном русском языке, их роль в авторской речи оценивается лингвистами по-разному. Так, Е. П. Сеничкина считает, что с уходом советской эпохи это стилистическое средство стало значительно менее востребованным [7, 10–11]. Однако многие лингвисты [3], [4], [6] и др. убеждены, что и в наши дни эвфемизмы являются очень популярными, указывая на СМИ как основную сферу их применения. Это обусловлено прежде всего тем, что для

языка современных медиа характерно преобладание функции воздействия, что сопровождается вытеснением остальных языковых функций и превращением средств массовой информации в средства массового воздействия [12]–[16]. А. А. Негрышев говорит о том, что «метафоры, заимствования, канцеляризм с оттенком научности и пр. используются в дискурсе СМИ для эвфемизации негативно окрашенных понятий (*киллер* вместо *наемный убийца*, *военное присутствие* вместо *оккупация*). Таким образом, постмодернистский примат эстетики над этикой превращается в условиях «карнавальности» масскультулы нередко в *псевдоэстетику* и *манипулятивность*» [15, 74].

Результаты исследования и их обсуждение

Материалом для настоящей статьи послужили эвфемизмы, извлеченные методом сплошной выборки из текстов российской печати периода 2001–2014 гг. (общее количество – более 1000 текстов). Анализ лексических единиц, употребляемых в роли эвфемизмов (около 60 слов и выражений), показал, что большая часть этих слов относится к разряду абстрактных существительных, что вполне объяснимо, т.к. отвлеченность значения слова создает у читателя максимально неопределенное или нейтральное представление об объекте. Собранный материал классифицирован на 4 группы: «Внешняя политика государства и военные операции» (*вооруженный конфликт*, *принуждение к миру*, *военная операция*, *кризис*, *ответные меры*, *вакуум безопасности*, *спецоперация*, *побочный ущерб*, *неприемлемые потери*, *агрессия* и др.), «Денежные отношения» (*господдержка*, *безвозмездный*, *уйти в тень*, *несанкционированный отбор*, *оптимизировать*, *отрицательное сальдо*, *пересмотр*, *корректировка*), «Деятельность органов власти» (*непопулярные меры*, *массовые беспорядки*, *задержать*, *коррупционное правонарушение*, *управляемая демократия*, *вертикаль власти* и др.) и «Отношения между социальными группами» (*лицо кавказской национальности*, *афроамериканец*, *малообеспеченные граждане*, *депопуляция*, *инфантилизация*, *авторитетный бизнесмен* и др.). В каждой из выделенных групп эвфемизмы реализуют следующие функции: «Смягчение смысла высказывания», «Искажение смысла высказывания», а также «Скрытие истинного положения вещей (манипулятивная функция)» с учетом которых будет осуществляться анализ материала.

По степени воздействия на сознание реципиента, на его представление об окружающей действительности эвфемизмы, реализующие функцию «Смягчение смысла высказывания», обладают минимальным воздействующим потенциалом: *В Сирии с марта 2011 года продолжается вооруженный конфликт между властью и оппозицией* (Изв. – 2014. – 17 июня. – С. 3), где выражение *вооруженный конфликт* используется для нейтрализации негативных коннотаций, связанных со словом ‘война’; или: *Такие же сюжеты прозападные СМИ распространяли, когда готовилась военная операция по свержению «кровавого диктатора» Каддафи* (КП. – 2010. – 12 февр. – С. 5), где эвфемизм *военная операция* скрывает значение ‘государственный переворот’; ср.: *Также представители американской администрации заявили, что США и мировое сообщество предпримут некие ответные меры в отношении КНДР* (РИА Новости. – 2012. – 15 апр.), где выражение *ответные меры* смягчает негативные ассоциации, связанные с такими понятиями, как репрессии, санкционное воздействие на кого-либо; или: *ЛУКОЙЛ намерен оптимизировать расходы, чтобы не зависеть от внешних займов – с учетом ситуации на рынке* (РБК Дейли. – 2014. – 23 июня. – С. 2), где лексема *оптимизировать* смягчает общеоценочное негативное значение глагола *сократить*.

В некоторых случаях эвфемизм может использоваться в несвойственном для него контексте, что нередко сопровождается его графическим выделением. Так, в следующей газетной иллюстрации выражение *вертикаль власти* реализует устойчивую семантику ‘система управления государством, находящаяся в полном подчинении центру’: *Возможно, очередным граффити отреагировали на недавнее обещание свердловского губернатора Эдуарда Росселя построить уральские муниципалитеты в вертикаль власти* (Нов. Рег. – 2008. – 26 мая); ср.: *Футбольная «вертикаль власти» в России растет не только в глубину, но и вширь* (Изв. – 2007. – 11 дек. – С. 7), где названный эвфемизм использован в более узком значении ‘система управления какой-либо структурой’.

Следующую группу эвфемизмов составляют слова и выражения, реализующие в СМИ функцию «Искажение смысла высказывания», что предполагает более глубокое использование манипулятивных тактик воздействия на читателя. Так, известные события на востоке Украины, начало которым положили протестные выступления жителей Донецкой и Луганской областей в

апреле 2014 г., по своему размаху и трагизму заслуживают только одной номинации – *война*. Вместе с тем современные медиа всячески избегают этой неудобной дефиниции, предпочитая использовать более нейтральные определения *военная операция*, *спецоперация*, *кризис*: **Военная операция** против южной группировки самопровозглашенной Донецкой народной республики была начата в понедельник (РБК Дейли. – 2014. – 19 мая. – С. 8); ср.: *С середины апреля на юго-востоке страны проходит спецоперация против несогласных с легитимностью киевских властей сторонников независимости, в которой участвует регулярная армия, применяются тяжёлая бронетехника, артиллерия и боевая авиация* (РИА Новости. – 2014. – 23 мая); или: *Поиск кандидатов в члены группы будет идти среди представителей государств, наиболее активно обсуждающих кризис на Украине* (Изв. – 2014. – 25 июля. – С. 3). Аналогичную функцию выполняет выражение *принуждение к миру* в следующем контексте: **«Принуждение к миру» стоило России 64 погибших военнослужащих, в том числе 15 миротворцев** (РИА Новости. – 2009. – 11 сент.), тогда как речь в статье идет о кратковременной войне между Россией и Грузией в августе 2008 г.; ср.: **Агрессия против Югославии была поворотным пунктом для глобализации интервенции** (КП. – 2014. – 16 июня. – С. 9), где эвфемизм *агрессия* искажает смысл высказывания путем преуменьшения степени важности события – войны против Югославии в 1999 г.

Интересное явление семантической диффузии демонстрирует выражение *вакуум безопасности*: **Сотни людей устремились через границу в обе стороны. Вакуум безопасности быстро заполнили боевики ХАМАСа. Их руководители, чувствуя себя победителями, поклялись не складывать оружия** (Труд-7. – 2005. – 30 сент. – С. 8), где данное словосочетание указывает на отсутствие государственной власти на определенной территории. Следующие газетные иллюстрации являются примером контекстуальной энантиосемии: **Ответственность за вакуум безопасности и правопорядка в Ливане, приведшие к гибели экс-премьера, его авторы возложили на ливанские и сирийские силовые ведомства** (РИА Новости. – 2005. – 14 марта), где названный эвфемизм нейтрализует негативные ассоциации, сопровождающие слово *беззаконие*; ср.: **После российско-грузинского конфликта в 2008 г., когда Запад обнаружил дефицит инвентаря для воздействия на Россию, возник вакуум безопасности в регионе. И США намерены его заполнить** (Нов. Рег. – 2010. – 18 сент.), где словосочетание *вакуум безопасности* указывает уже не на беззаконие, а, напротив, на существование неудобных тех или иных сил законов.

Достаточно широкий пласт слов и выражений, редукция семантического компонента которых приводит к искажению представлений об означаемом, составляют эвфемизмы, относящиеся к сфере денежных отношений: **Господин Бедняков выразил уверенность, что повышение налогов заставит бизнес уйти в тень** (Нов. Рег. – 2005. – 22 апр.), где выражение *уйти в тень* подразумевает значение ‘укрыться от уплаты налогов’; или: **Украина периодически прямо намекала на то, что, если ей не пойдут на уступки в вопросе цены на газ, она вынуждена будет пойти на крайнюю меру – несанкционированный отбор газа** (Нов. Рег. – 2010. – 16 мая), где семантически размытое определение *несанкционированный отбор* скрывает точное и исчерпывающее определение для описываемой ситуации – слово *воровство*.

Освещение некоторых сфер общественной жизни современными СМИ демонстрирует реализацию ими своего рода «социального заказа» органов власти, когда неприятные явления определяются через слова и выражения с максимально отвлеченным значением: **До 2016 года пересмотр тарифов может производиться не чаще одного раза в год, пригрозил Медведев** (Изв. – 2014. – 6 июня. – С. 5), где эвфемизм *пересмотр* нейтрализует негативно-оценочную семантику слова *повышение*; ср.: **С учетом того, что к 2020 году электорат в основном будет состоять из пенсионеров и граждан предпенсионного возраста, проводить непопулярные меры будет крайне сложно, предупреждают эксперты** (РБК Дейли. – 2012. – 21 дек. – С. 4), где эвфемизм *непопулярные меры* предполагает довольно широкую область явлений, имеющих негативные последствия (повышение пенсионного возраста, налогов, цен и т.п.); или: **«Если Россия – это управляемая демократия, то и выборы в ней управляемые», – приводят газеты слова главы европейского консульства на ассамблее ОБСЕ** (РБК Дейли. – 2007. – 7 дек. – С. 7), где выражение *управляемая демократия* скрывает понятие *авторитарное государство*.

Эвфемизмы, которые используются для сокрытия истинного положения вещей и реализуют собственно манипулятивную функцию, называют такие явления, действия и объекты окружающей действительности, которые невозможно именовать прямо, т.к. это приведет к полной дискредитации означаемого: **Методично уничтожат гражданское население и детей, списывая убийства на «побочный ущерб», способны только негодяи** (КП. – 2011. – 18 окт. – С. 9).

Как видим, графическое выделение определенных лексем может служить сигналом дистанцирования пишущего от традиции их употребления, что нередко вызвано резким несоответствием означающего и собственно денотата: *В ходе контртеррористической операции в стране было убито, по данным экспертов, 3,6 тысячи мирных жителей – своего рода «побочный ущерб» от американских бомбардировок* (Труд-7. – 2002. – 4 окт. – С. 3).

Авторская ирония звучит в следующем контексте, где силами добра называются союзные войска, осуществляющие военную агрессию против ряда стран: *Вроде бы силы добра одержали победу в Афганистане. Вроде бы бронзовое изваяние Саддама Хусейна давно сдернули с постаментов в Ираке. А жить-то все страшнее, разве не так?* (РИА Новости. – 2006. – 26 сент.).

Семантическую трансформацию прилагательного *авторитетный*, обусловленную экстралингвистическими факторами, наблюдаем в следующих газетных иллюстрациях: *Разумеется, в компании догадывались, что Петрак – не кто иной, как Владимир Петраков, «авторитетный» бизнесмен из Владивостока* (КП. – 2003. – 17 февр. – С. 5), где эвфемизм *авторитетный бизнесмен* недвусмысленно указывает на криминальное прошлое героя публикации (кроме этого, лексема *авторитетный* выделена графически – кавычками, что также указывает на ее неузуальное употребление). Вместе с тем в публикациях последних лет названный эвфемизм используется уже без графического выделения, что указывает на его вхождение в лексическую систему языка: *Это был авторитетный бизнесмен Георгий Жаворонков, известный как Жора Ивантеевский, позиционирующий себя как крупного коммерсанта и мецената, вкладывающего деньги в развитие спорта, например в бокс* (Изв. – 2012. – 2 марта. – С. 6); ср.: *Вслед за миллионером, которого подозревают в уходе от уплаты налогов почти на 50 млн. рублей, напомним, был арестован авторитетный бизнесмен Семен Могилевич (он же Сергей Шнайдер)* (КП. – 2008. – 12 янв. – С. 3).

Как разновидность манипулятивной функции считаем целесообразным рассматривать случаи контекстуального, отличного от общепринятого употребления эвфемизмов, т. к. это позволяет пишущему совмещать собственно камуфлирующую функцию слова либо выражения с его прагматическим потенциалом воздействия на читателя: *«Неожиданное» принуждение к миру симферопольского горсовета, годами препятствовавшего постройке Соборной мечети на Ялтинской 22, впишет имя премьера Василия Джарты в анналы истории* (Нов. Рег. – 2011. – 26 февр.), где словосочетание *принуждение к миру* предполагает семантику ‘усмирение кого-либо’, тогда как его узуальное значение – *‘военная операция, направленная на подавление вооруженных выступлений’.

Общепринятое значение эвфемизма *оптимизировать* – ‘сокращать’, тогда как в следующей иллюстрации он реализует семантику ‘овладевать чем-либо, не имея на то оснований’: *Постепенно обнаглел и стал все оптимизировать, перейдя в разряд основных разработчиков* (РБК Дейли. – 2013. – 24 июля. – С. 3).

Манипулятивный, националистический характер выражения *лицо кавказской национальности* раскрывается автором в настоящем контексте: *Но вот что вызывает тревогу: потихоньку «мигрантофобия» превращается в «кавказофобию». В неприязнь к мифическому, не существующему в природе народу под названием «лицо кавказской национальности»* (КП. – 2006. – 23 марта. – С. 4).

Выводы

Таким образом, наибольшую активность в современном русском языке проявляют эвфемизмы социально-политической сферы, реализующие функции, направленные на смягчение смысла высказывания либо искажение его смысла, а также на сокрытие истинного положения вещей. Основное назначение подобных эвфемизмов – воздействие на читательскую аудиторию, которое осуществляется путем редукции семантического компонента означающих явления и объекты окружающей действительности лексических единиц, а также нейтрализации их оценочной составляющей.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вильданова, Г. А. Гендерный аспект эвфемизации (на материале английского языка) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г. А. Вильданова ; Бирская гос. пед. академия. – Бирск, 2008. – 19 с.
2. Заварзина, Г. А. Эвфемизмы как проявление «политической корректности» / Г. А. Заварзина // Русская речь. – 2006. – № 2. – С. 54–57.

3. Кипрская, Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003–2004 гг.) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Кипрская ; Ижевский гос. ун-т. – Ижевск, 2005. – 23 с.
4. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика (Берлин). – 1994. – № 1–2. – С. 28–49.
5. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58–70.
6. Панин, В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. В. Панин ; Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 2004. – 21 с.
7. Сеничкина, Е. П. Эвфемизмы русского языка : спецкурс / Е. П. Сеничкина. – М. : Высшая школа, 2006. – 151 с.
8. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – М. : Флинта, 2006. – 464 с.
9. Шафигуллина, Л. Ш. Политические эвфемизмы в средствах массовой информации / Л. Ш. Шафигуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7(61). – С. 170–173.
10. Арапова, Н. С. Эвфемизмы. Лингвистический энциклопедический словарь / Н. С. Арапова. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
11. Павлова, Е. К. Специфика перевода политических эвфемизмов / Е. К. Павлова // Вестник МГУ. Серия 9, Филология. – 1989. – № 10. – С. 96.
12. Володина, М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание / М. Н. Володина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 460 с.
13. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т. Г. Добросклонская. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во МГУ, 2005. – 288 с.
14. Ильясова, С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С. В. Ильясова. – Ростов н/Д., 2002. – 432 л.
15. Негрышев, А. А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ : учеб. пособие / А. А. Негрышев. – Владимир : Изд-во ВГГУ, 2009. – 144 с.
16. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии : учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибургская. – М. : Флинта, Наука, 2011. – 160 с.

Поступила в редакцию 07.10.16

E-mail: strizhak2011@yandex.ru

A. L. Strizhak

SOCIO-POLITICAL EUPHEMISMS IN THE MODERN MEDIA (ON THE BASIS RUSSIAN PERIODICALS BEGINNING OF XXI CENTURY)

The article analyzes the functional, stylistic and semantic features of the use of euphemisms in Russian periodicals for the period 2001–2014 years. The questions evfemii and related phenomena, different views on the definition of «euphemism» concept in place of words in modern Russian. Stand out and describes the most common euphemisms thematic groups, their most important function in the newspaper text, analyzes the specifics of the use of euphemisms in the media. Determine the impact of extra-linguistic factors on the degree of semantic and estimated reduction euphemistically nominations. Correlates the function implemented by the euphemism in the newspaper text, and the degree of its pragmatic potential, which determines the possibility of such nominations to realize the impact of language function.

Keywords: euphemism, functional and stylistic features, semantic features, affecting function, semantic reduction, periodicals, media, pragmatic potential, evaluation component.

УДК 811.111

В. В. ЧалагаеваАспирант кафедры теории и практики английского языка,
Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Беларусь**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ЕДИНИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ХРОНИКЕ**

В статье анализируются оценочные единицы с точки зрения особенностей их употребления в англоязычной политической и экономической хронике. Материал для анализа составляет 200 текстов обоих типов англоязычной хроники. Исследование фактического материала позволило установить количественные данные групп исконно-оценочной и контекстуально-оценочной лексики в двух типах хроники, выявлено превалирование рационально-оценочных средств над эмоционально-оценочными. Среди частнооценочных значений в политической хронике преобладает утилитарная и эмоциональная оценка, тогда как для экономической хроники характерно использование не только утилитарной и эмоциональной, но и телеологической оценок. Анализ материала позволил сделать вывод о доминировании отрицательной оценки над положительной, а также выявить частеречную представленность рационально- и эмоционально-оценочных средств в англоязычной политической и экономической хронике.

Ключевые слова: оценка, исконно-оценочная лексика, контекстуально-оценочная лексика, эмоциональная оценка, рациональная оценка, хроника.

Введение

На протяжении длительного времени категория оценки привлекает внимание ученых различных отраслей знания: лингвистов, философов, логиков, правоведов. Интерес к оценке обусловлен исключительно важной ролью, которую оценочные средства играют в жизни человека и общества, в частности в языковой коммуникации. Е.М. Вольф подчеркивает, что «оценка является универсальной категорией: вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о «хорошо»/«плохо» [1, 9]. Человеку свойственно оценивать все явления окружающей его действительности, соотнося их с установившимися нормами и идеалами. По мнению Н.Д. Арутюновой, «для того чтобы оценить объект, человек должен пропустить его через себя: природа оценки отвечает природе человека» [2, 181]. В лингвистике принято считать категорию оценки одним из основных способов отражения системы ценностей в языковой семантике. Учитывая сложную и многогранную природу оценки, ряд исследователей, например Е.М. Вольф, понимают оценку как «модальную рамку, включающую ряд обязательных элементов (эксплицитных и имплицитных), таких, как субъект оценки, объект оценки, аксиологический предикат, аспект оценки, сам оценочный элемент, оценочный стереотип и шкалу оценок» [1, 203]. Другие лингвисты трактуют оценку как «совокупность разноуровневых единиц, объединенных общей семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к речи» [3, 139]. В данном исследовании под оценкой мы понимаем общественно закрепленное, социально устоявшееся отношение носителей языка к внеязыковому объекту (лицу, предмету, явлению действительности) [4].

Однако, несмотря на большой интерес исследователей к данной проблеме, многие вопросы, связанные с ее решением, остаются спорными и малоразработанными. В частности, среди лингвистов нет единого мнения в определении оценочного значения, типов оценки, не полностью выявлены языковые средства выражения оценочного значения. Роль оценочных лексических единиц изучалась в различных типах текста и дискурса: в газетной рецензии (И.В. Лешкевич), в научной рецензии (Е.С. Троянская, Л.В. Красильникова), в научной статье (Т.П. Карпилович, Л.В. Сретенская), в политической речи (Е.Е. Самойлик, С.Н. Стародубец). При этом сфера газетной публицистики представляется особенно перспективной, поскольку, будучи

одним из главных компонентов речевого воздействия, оценка является «традиционным приемом создания публицистического текста» [5, 130].

В связи с вышеуказанным нам представляется актуальным рассмотрение языковых средств выражения оценки на материале новостного жанра публицистического стиля – хроники. В качестве объекта анализа привлекался весь спектр оценочной лексики. Важно отметить, что единицей анализа мы считаем лексическую единицу в одном из своих значений – системном или контекстуальном – обнаруживаемом в дискурсе англоязычной политической и экономической хроники.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ оценочных единиц с точки зрения особенностей их употребления в англоязычной политической и экономической хронике

Материалом настоящего исследования являются 200 текстов политической и экономической хроники из качественных британских газет «The UK Week», «The Guardian», «The Telegraph». Исследование фактического материала проведено с использованием комплекса методов: контекстуального анализа, компонентного анализа смысловой структуры слова с целью выявления вторичных оценочных значений и количественного метода для выявления частотности реализации языковых оценочных элементов в англоязычном новостном дискурсе.

Под хроникой мы понимаем «жанр новостной журналистики, вторичный текст, представляющий собой подборку сообщений, констатирующих наличие события в настоящем, ближайшем прошлом или ближайшем будущем. Хроникальное сообщение – текст объемом от одного до трех-четырёх предложений с общим смыслом «где, когда, какое событие произошло, происходит, будет происходить» [6, 80]. Экстралингвистическими стилиобразующими признаками данного жанра являются: наличие факта, новизна информации, социальная значимость сообщаемого, оперативность. Подборка хроникальных сообщений составляется по тематическому или временному принципу, например: «Криминальная хроника», «Спортивная хроника», «Официальная хроника», «Новости в середине часа» и т.д. [6, 81]. Несмотря на факт принадлежности к информационным жанрам, не следует воспринимать язык хроники как неподвижный, застывший, консервативный. Современная газета стремится разрушить «книжность» изложения, придать ему экспрессивную окраску за счет разнообразных эмоционально-экспрессивных средств.

На основании наличия оценочного компонента в семантике языковой единицы выделена группа исконно-оценочной и контекстуально-оценочной лексики. К исконно-оценочной лексике отнесены слова, в которых оценочная информация является основной, т.е. они обладают эксплицитным оценочным значением. Рассмотрим пример экономической хроники: *David Cameron will suggest that all parents should attend classes on how to discipline their children. Risking the wrath of those Tories fearful of a «nanny state», the PM will say it should be standard practice for parents to receive instruction on how to behave around their offsprings* [9] ‘Дэвид Кэмерон хочет внести предложение о том, чтобы все родители посещали занятия по дисциплинированию своих детей. Несмотря на риск навлечь гнев членов партии Тори, опасаящихся превращения в «государство нянек», премьер-министр заявляет, что получение инструкций по дисциплинированию детей должно стать стандартной практикой для родителей’. В данном примере присутствует слово *fearful*, имеющее следующие значения: ‘1) **nervous and afraid**; 2) **terrible and frightening**; 3) **extremely bad**’ [7], которое употреблено для создания атмосферы опасения и недоверия к предложению премьер-министра Великобритании. Анализ материала показал, что исконно-оценочная лексика превалирует в исследуемых типах англоязычной хроники и составляет 77,6% в политической хронике и 73,9% в экономической хронике (таблица 1).

Таблица 1. – Соотношение исконно-оценочных и контекстуально-оценочных средств выражения оценочного значения

Средства выражения оценочного значения	Политическая хроника	Экономическая хроника
1. Исконно-оценочная лексика	77,6%	73,9%
2. Контекстуально-оценочная лексика	22,4%	26,1%
2.1. Узуальные имплицитивы	32,3%	34,8%
2.2. Окказиональные имплицитивы	67,7%	65,2%

К контекстуально-оценочной лексике в настоящем исследовании мы относим те слова, эмоциональный компонент которых возникает или актуализируется в определенном контексте. Данные лексические единицы передают сугубо личные переживания и оценки адресата.

Группа контекстуально-оценочной лексики представлена узуальными и окказиональными имплицативами. К узуальным имплицативам мы относим слова, в значениях которых сема оценки так же, как и в значениях исконно-оценочных единиц, входит в системное значение слова, отражена в словарях, но является периферийной [8, 49]. В примере из экономической хроники *The chocolate firm has been **punished** for experimenting with the recipe of its Easter classic the Cadbury Crème Eggs last year* [10] 'Шоколадная компания понесла наказание за эксперименты с пасхальным рецептом в продукте Кэдбери Крим Эггз в прошлом году' к таким словам, на наш взгляд, можно отнести *punish*: '1) to make smb suffer because they have broken the law or done smth wrong' [7], где *suffer*: '1) to experience smth **unpleasant**, such as injury, defeat or loss' [7]. Эта лексическая единица включена в подгруппу узуальных имплицативов на том основании, что она не называет оценочного отношения, но имеет в своей структуре оценочный элемент *unpleasant*, который актуализируется в контексте и придает значению оценочный тон, обнаруживаемый с помощью анализа словарных дефиниций.

Всего в англоязычной политической хронике выявлено 32,3% узуальных имплицативов от общего количества контекстуально-оценочной лексики, в экономической хронике – 34,8% (таблица 1).

Окказиональные имплицативы включают лексические единицы, приобретающие оценочное значение в контексте или в результате переносного употребления. Например, рассмотрим политическую хронику: *A fingerprint from Salad Abdeslam, one of the **masterminds** behind the Paris terror attacks, has been found at an apartment in Brussels along with explosives and handmade belts, which could have been worn by suicide bombers* [11] 'Отпечаток пальцев Салад Абдеслама, одного из вдохновителей террористических атак в Париже, был найден в квартире в Брюсселе, где также находились взрывчатые вещества и самодельные пояса, которые могли быть надеты на террористов-смертников'. Лексикографическое толкование существительного *mastermind* – 'an intelligent person who plans and directs a complicated project or activity' [7] в данном контексте приобретает значение «злого гения». Дерогативация оценочного наименования лексической единицы *mastermind* происходит под влиянием отрицательной оценочной тональности контекста. Окказиональные имплицативы представлены в количестве 67,7% от общего количества контекстуально-оценочных средств в политической хронике и 65,2% в экономической хронике.

В результате проведенного анализа выявлено, что в англоязычной экономической хронике незначительно выше употребительность контекстуально-оценочных единиц – 26,1% против 22,4% в политической хронике, что позволяет сделать вывод о том, что авторы экономической хроники менее склонны к прямому выражению оценочного суждения, тогда как авторы политической хроники, наоборот, тяготеют к четкости и понятности.

По признаку соотношения эмоционального и рационального, т.е. соотношения разума и чувств в семантике слова, выделяют эмоциональную и рациональную оценку [3, 142]. Различия этих видов оценок заключаются в 1) основании оценок 2) собственно семантике слова. Например, в словарном толковании слова *wrong* – 'mistaken, not true' имеется сема «неверный, неправильный», поэтому оно включено в группу рационально оценочных значений, которые соотносятся с нормой. Лексические единицы, выражающие эмоционально-оценочное значение, отбирались на основе наличия в лексикографическом толковании слова семы, передающей ощущения, чувства [8, 53]. В качестве индикатора эмоциональной оценки могут выступать слова *feeling, condition, state*, например: *emergency* – 'a sudden **state** of danger, requiring immediate action' или *suspicious* – 'prone to a **feeling** of suspicion'. В некоторых случаях требовался многоступенчатый анализ, проводившийся на основе дальнейшего вычленения сем у компонентов словарной дефиниции. Например, лексическая единица *wrath* имеет словарное толкование 'extreme anger, rage, fury'. На основании дальнейшего семантического анализа компонента *anger* – 'a **feeling** of displeasure, hostility that a person has because of being injured, mistreated, opposed' лексическая единица *wrath* отнесена к эмоционально-оценочной лексике.

Употребительность рационально- и эмоционально-оценочных единиц в англоязычной политической и экономической хронике отражена в таблице 2.

Таблица 2. – Соотношение рациональных и эмоциональных оценочных единиц

Типы оценок	Англоязычная политическая хроника	Англоязычная экономическая хроника
Рациональная	82,1%	86,3%
Эмоциональная	17,9%	13,7%

Как видно из таблицы 2, рационально-оценочная лексика составляет 82,1% в политической хронике и 86,3% в экономической хронике от общего количества оценочных средств. Это неудивительно, так как, согласно канонам английской журналистики, субъективные элементы, отражающие позицию автора, должны быть полностью исключены из информативно-описательных тестов, в связи с чем в хронике отмечается явное преобладание рациональной оценки. Рациональная лексика политической и экономической хроники в английском языке представлена признаковыми частями речи: 36,3% прилагательных, 43,4% существительных, 16,3% глаголов, 4% наречий в политической хронике и 44,8% прилагательных, 35,2% существительных, 18,4% глаголов и 1,6% наречий в экономической хронике. Среди частнооценочных значений в англоязычной политической хронике преобладает утилитарная оценка со значением «моральные или материальные потери» (*casualty, killing, death, collapse, cuts, robbery, damage, injury*) и эмоциональная оценка (*cool, calm, enthusiastic*). В англоязычной экономической хронике преобладает утилитарная (*profitable, useful*), телеологическая (*inefficient, beneficial, reasonable*) и эмоциональная (*upbeat, unpleasant*) оценки. Таким образом, оценивая то или иное явление действительности, журналист в первую очередь отображает его с практической, материальной точки зрения.

Анализ материала показал, что в политической и экономической хронике эмоционально-оценочные единицы составляют 17,9% и 13,7% от общего количества оценочных единиц. Отличительной особенностью честеречной представленности эмоционально-оценочных единиц является преобладание прилагательных в политической хронике (44,1% против 11% в экономической хронике), тогда как в экономической хронике наиболее распространены существительные и глаголы (70% и 19% против 32,3% и 11,7% в политической хронике).

В результате исследования было выявлено, что в политической хронике оценка представлена такими аллосемами, как «страх, напряжение» (*fear, fearful, terror, tension, panic*), тогда как в экономической хронике преобладают эмоционально-оценочные единицы со значением «беспокойство» (*concern, anxiety*). В обоих типах хроники оказалось достаточно частотным употребление глаголов и прилагательных, описывающих эмоции говорящего (*to hate, to regret, to worry, to terrify; enthusiastic, stalling, outrageous, afraid, fearful, emotional*); существительных, обозначающих физиологические проявления эмоций (*fear, terror, horror, anxiety, shock, anger*).

Следует также отметить преобладание отрицательной оценки в обоих видах англоязычной хроники – 84,7% в политической хронике и 73,1% в экономической хронике.

Выводы

Проведенное исследование позволило установить прежде всего сходные черты функционирования оценочных единиц в англоязычной политической и экономической хронике. Такими общими чертами являются а) преобладание исконно-оценочных лексических единиц над контекстуально-оценочными, а также рационально-оценочных средств над эмоционально-оценочными; б) значительное превалирование отрицательной оценки в обоих типах хроники. Проведенное исследование выявило и некоторые особенности в исследуемых типах текста, заключающихся в а) более частотном использовании эмоционально-оценочных средств в политической хронике, характеризующий данный текст как более эмоционально насыщенный и б) более частотной употребительности контекстуально-оценочных единиц в экономической хронике, что позволяет сделать вывод о том, что авторы экономической хроники менее склонны к прямому выражению оценочного суждения.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд. – М. : УРССР, 2002. – 261 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 130–272.
3. Баженова, Е. А. Категория оценки / Е. А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта: Наука. – 2006. – С. 139–147.
4. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия ; отв. ред. А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 141 с.
5. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в. / С. И. Сметанина. – СПб. : Михайлов, 2002. – 382 с.
6. Майданова, Л. М. Жанры публицистического стиля / Л. М. Майданова, Л. Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта: Наука. – 2006. – С. 79–88.
7. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary / A. S. Hornby. – New 8th edition – New York : Oxford University Press, 2010. – 1796 p.
8. Лешкевич, И. В. Структура, семантика и функционирование оценочных высказываний (на материале газетных рецензий) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. В. Лешкевич ; МГЛУ. – Минск, 2009. – 193 с.
9. The UK WEEK: [Electronic resource]. – Mode of access: <http://theweek.co.uk/daily-briefing/68385/ten-things-you-need-to-know-today-sunday-10-jan-2016>. – Date of access : 02.03.16.
10. The UK WEEK: [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.theweek.co.uk/am/wednesday-january-13-2015>. – Date of access : 23.02.16.
11. The UK WEEK : [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.theweek.co.uk/daily-briefing/68351/ten-things-you-need-to-know-today-friday-8-jan-2016>. – Date of access : 23.02.16.

Поступила в редакцию 31.05.16

E-mail: vika_ch2000@front.ru

V. V. Chalagaeva

FUNCTIONING OF EVALUATIVE UNITS IN POLITICAL AND ECONOMIC NEWS –
IN-BRIEF IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article analyses functioning peculiarities of evaluative units in 200 political and economic news-in-brief in the English language. The data analysis reveals the statistics of contextual evaluative and vernacular contextual lexis in the two types of texts. The research proves the prevalence of rational evaluation over affective one in the data of analysis. Political news-in-brief are prone to extensive usage of utilitarian and emotional evaluation, whilst economic news-in-brief tend to employ utilitarian, teleologic and emotional types of evaluation. The analysis revealed prevalence of negative evaluation in the both types of texts and detected the most frequently used parts of speech for expressing evaluation in political and economic news-in-briefs.

Keywords: evaluation, contextual evaluative lexis, vernacular contextual lexis, affective evaluation, rational evaluation, news-in-brief.

81'373.23:81.161.1:81'282

С. А. ЯнковскаяКандидат филологических наук,
УО «ГрГУ имени Янки Купалы», г. Гродно, Беларусь**СУФФИКСАЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА
В АСПЕКТЕ МЕЖСИСТЕМНОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ
(РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК/ГОВОРЫ)**

В современной лингвистике актуальным является сопоставление двух подсистем одного языка (например, сопоставление русского литературного языка и русских народных говоров). Это объясняется тем, что одновременное изучение производных единиц литературного языка и диалектных слов помогает представить организацию типов и гнезд более разнообразно и широко. В статье рассматриваются суффиксальные производные наименования лица в двух подсистемах языка (русский литературный язык/говоры), анализируются структурно-семантические особенности производных единиц данной семантики. Отмечается, что в двух подсистемах языка могут быть производные единицы с идентичной комбинаторикой корневых морфем и словообразовательных аффиксов, но отличающихся своей семантикой. Делается вывод о том, что территориальные диалекты более свободны в образовании производных единиц, называющих лицо, нежели русский литературный язык, следствием чего является наличие таких номинаций, которые отсутствуют в литературном языке. Предлагается система общих для двух подсистем словообразовательных типов суффиксальных производных наименований лица.

Ключевые слова: наименования лица, словообразовательный тип, фрагменты словообразовательных гнезд, диалектное словообразование.

Введение

При изучении номинаций в русских народных говорах на лексическом, семантическом, словообразовательном и других уровнях языка исследователи обращаются к производным и непроизводным единицам, представляющим различную семантику. Актуальным является рассмотрение наименований лица в говорах, поскольку, с одной стороны, как отмечает А.А. Ивыгина, такие номинации «отражают систему ценностей, присущих той или иной территориально ограниченной общности» [1], и, с другой стороны, они способны не столько называть лицо, сколько характеризовать его по какому-либо признаку [2, 209].

Наименования лица в русских народных говорах помогают понять носителю языка на современном этапе развития общества отдельные фрагменты картины мира носителей территориальных диалектов. Как замечает Е.А. Оглезнева, «функциональные имена лица в совокупности представляют все возможное поле деятельности носителей говора, все многообразие производственной жизни селянина, а социально характеризующие имена фиксируют отношения с другими людьми по происхождению, возрасту, положению в семье, участию в тех или иных общественно значимых событиях. Собственно характеризующие имена, обладающие оценочностью семантики, помещают нас в мир ценностных представлений о человеке, существующих в говоре, в мир понятий об этическом и эстетическом» [3, 79]. Таким образом, функциональные и характеризующие имена дают полное представление о картине мира в процессе жизнедеятельности человека-носителя говоров.

Существует множество классификаций существительных со значением лица в русских народных говорах. Так, например, С.А. Акопова [4] рассматривает наименования лица на основе метафоризации и выделяет следующие группы в соответствии с мотивационной основой образования: 1) от названий сфер жизни и деятельности человека; 2) от названий предметов обихода; 3) от названий животных; 4) от названий растений; 5) от названий явлений природы.

Л.И. Смольская [5] выделяет такие тематические группы наименований лица, как номинации родственных отношений; социального положения; возраста; рода занятий; религии; внешности; по субъективному отношению; по душевным и моральным качествам.

Авторы некоторых исследований разграничивают наименования лиц женского и мужского пола. Так, например, А.А. Ивыгина, исследуя наименования лиц женского пола

в русских говорах Волжско-Свияжского междуречья [1], изучает их с точки зрения наличия/отсутствия параллели с номинативами мужского рода. Среди наименований лиц женского пола, которые не являются параллельными образованиями номинативам мужского пола, она выделяет следующие группы: 1) наименование лиц женского пола по особенностям характера и поведения; 2) по их отношению к труду; 3) по умению/неумению вести домашнее хозяйство; 4) по внешнему виду; 5) по физическим особенностям; 6) по роду деятельности; 7) по наличию/отсутствию потомства; 8) по моральным качествам.

Наименования лиц мужского пола Н.Г. Архипова [6] классифицирует по следующим признакам: по профессии, по особенностям характера, по отношению к женщине, по социальному статусу, по отношению к пагубным пристрастиям, по участию в свадебном обряде, по положению в семье, по месту жительства, по особенностям внешности, по наличию увлечений.

Актуальным является также и такое направление исследования, как сопоставление двух подсистем одного языка, в данном случае межсистемное сопоставление русского литературного языка и русских народных говоров, поскольку, как отмечает И.В. Евсева, «привлечение в качестве исследовательского материала одновременно дериватов литературного языка, диалектных слов, просторечной лексики способствует более разнообразной и более полной демонстрации непрерывности смыслового пространства организации типов и гнезд» [7, 8].

Результаты исследования и их обсуждение

В данной статье рассматриваются особенности словопроизводства суффиксальных наименований лиц женского и мужского пола в сравнительно-сопоставительном аспекте (русский литературный язык / говоры).

Сравнительно-сопоставительный анализ суффиксальных производных наименований лица показал, что в отдельных случаях идентичные по словообразовательной структуре производные единицы могут представлять различные значения в литературном языке и в говорах, например:

карамелька в русском литературном языке – это ‘одна конфета карамели’ [8, т. 7, 652], а в говорах *карамёлька* ‘то же, что карамель’ (*карамёль* ‘о девушке или женщине небольшого роста’ [9, вып. 13, 73]);

лечебница в русском литературном языке – это ‘лечебное учреждение специального назначения’ [8, т. 9, 170], а в говорах *лечёбница* ‘женщина-врач; лекарка’ [9, вып. 17, 29].

В данном случае в одной из подсистем языка, в частности, в русских народных говорах производные номинации *карамелька*, *лечебница* представляют специфическое для литературного языка значение, так как служат для обозначения лица.

Наряду с такими производными единицами, которые совпадают в литературном языке и в говорах по внешней форме, но различаются по внутреннему содержанию, отдельные места занимают суффиксальные производные номинации, которые в двух подсистемах называют лицо, но имеют некоторые оттенки различия в своей семантике. Сравните, например, производные номинации *именинник* и *летчик* в русском литературном языке и в говорах:

именинник (литературное) ‘тот, кто отмечает день своих именин’ [8, т. 7, 220] и *именинник* (диалектное) ‘любимец’ (2-ое знач.) [9, вып. 12, 191–192];

летчик (литературное) ‘специалист, управляющий летательным аппаратом’ [7, т. 9, 169] и *лётчик* (диалектное) ‘о том, кто не живет на одном месте, часто переезжает с места на место’ и ‘о том, кто часто меняет работу; летун’ [9, вып. 17, 27].

В ходе сравнительно-сопоставительного исследования суффиксальных наименований лица в диалектном словообразовании и словообразовании СРЛЯ установлено, что территориальные диалекты более свободны в образовании производных единиц, называющих лицо, нежели литературный язык. Следствием этого является наличие таких номинаций, которые отсутствуют в литературном языке. Сравните:

верёвочник 1. ‘тот, кто вытягивает из воды невод, «рабочий на веревке»’. 2. ‘владелец невода, веревки’ [9, вып. 4, 126];

загудальщик ‘выдумщик, «придумывающий что-либо новое, интересное, иногда смешное»’ [9, вып. 10, 34].

В отдельных случаях подобные специфические для литературного языка наименования человека в территориальных диалектах обусловлены спецификой деятельности, сравните: *икрючник* ‘человек, ловящий в табуне, стаде животных икрюком’ [9, вып. 12, 183].

В словообразовании русских народных говоров непроизводные и производные единицы со значением лица вступают в сложные системные отношения и образуют фрагменты словообразовательных гнезд, неизвестных литературному языку. Например:

вздбра, вздбрник, вздбрщик, вздорщица [9, вып. 4, 260];

загудайло, загудало, загудальник, загудальщик [9, вып. 10, 34];

игральник, игральница, игральщик, игральщица, играчи́ха [9, вып. 12, 66–67] и др.

В современном русском литературном языке хорошо известны наименования лиц женского пола, мотивирующими которых являются соответствующие наименования лиц мужского пола, например: *газетчица* ‘женск. к газетчик’ [8, т. 4, 19]; *грузчица* ‘женск. к грузчик’ [8, т. 4, 437]; *массажистка* ‘женск. к массажист’ [8, т. 9, 566].

Данная особенность также отмечается в целом ряде примеров в русских народных говорах:

га́дник ‘человек, болеющий тяжелой кожной болезнью’ и *га́дница* ‘женск. к гадник’ [9, вып. 6, 91];

голода́й 1. ‘голодный человек’. 2. ‘бедный человек’. 3. ‘ненасытный, прожорливый, жадный человек’ и *голода́йка* ‘женск. к голода́й’ [9, вып. 6, 317];

да́тель 1. ‘тот, кто дает или дарит что-либо’. 2. ‘лицо, дающее заказ на выполнение работы большого объема’ и *да́тельница* ‘женск. к датель (в 1-м знач.)’ [9, вып. 7, 279] и др.

Для русских народных говоров характерно образование суффиксальных производных номинаций, называющих лицо, по общим с литературным языком словообразовательным типам. Так, например, в русском литературном языке производные единицы, принадлежащие к СТ V + -ун, «называют предмет (одушевленный или неодушевленный), производящий действие, названное мотивирующим словом, часто с оттенком «склонный к этому действию»: *бегун, прыгун, опекун, шалун, плясун, лгун* [10, 146]. Сравните образующиеся по такой же модели производные номинации русских народных говоров *езгун* ‘непоседа, человек, не сидящий спокойно на месте’ [9, вып. 8, 329] (от *эзгать* и *эзгать*), *ка́рьяйдун* ‘тот, кто говорит охрипшим голосом, хрипит’ [9, вып. 13, 114] (от *ка́рьяидать*).

Словопроизводство диалектных наименований лица по общим с литературным языком словообразовательным типам отмечается и в ряде других случаев. Сравните, например:

- производные единицы литературного языка *бродеяга* и русских народных говоров *голода́га* ‘голодный человек’ // ‘проголодавшийся человек’ (2-ое знач.) [9, вып. 6, 317], принадлежащие к СТ V + -ага;

- производные единицы литературного языка *сторожи́ха, повари́ха, портни́ха* и русских народных говоров *жеребчи́ха* ‘о большой, сильной женщине, девушке (обычно бранно)’ [9, вып. 9, 137], *жигали́ха* ‘бойкая, проворная женщина’ [9, вып. 9, 163] (от *жигал*), принадлежащие к СТ S + -их(а);

- производные единицы литературного языка *стряпу́ха, потаску́ха, цебету́ха* и русских народных говоров *засиду́ха* ‘то же, что засиделка’, *засиде́лка* ‘старая дева’ [9, вып. 11, 30–31], *ла́зуха* ‘проницательная женщина, пролаза, пройдоха’ [9, вып. 16, 246], принадлежащие к СТ V + -ух(а);

- производные единицы литературного языка *игрок, ходок, ездок, стрелок* и русских народных говоров *засидок* ‘то же, что засиделка’ [9, вып. 11, 31], *играто́к* ‘искусный игрок’ [9, вып. 12, 67], принадлежащие к СТ V + -ок;

- производные единицы литературного языка *сиделка, гадалка, зубрилка* и русских народных говоров *изгиля́лка* ‘кривляка, ломака, фигляр’ [9, вып. 12, 116] (от *изгиля́ться*), *калялка* ‘человек, который что либо с силой толкает ногой (каляет)’ [9, вып. 13, 12], принадлежащие к СТ V + -лк(а);

- производные единицы литературного языка *выскачка, недоучка, зазнайка* и русских народных говоров *лече́йка* ‘лекарка; знахарка’ [9, вып. 17, 29], *ла́комка* ‘любитель поухаживать за женщинами, волокита’ (1-ое знач.) [9, вып. 16, 250], принадлежащие к СТ V + -к(а);

- производные единицы литературного языка *псарь, аптекарь, библиотекарь* и русских народных говоров *лоба́рь* 1. ‘большелобый человек; лобан’. 2. *неодо́бр*. ‘о крепком, здоровом, но ленивом человеке’. 3. ‘нищий’ [9, вып. 17, 94–95], принадлежащие к СТ S + -арь;

- производные единицы литературного языка *свидетельница, председательница, учительница* и русских народных говоров *вла́стница* ‘женщина, «имеющая свою волно»’ [9, вып. 4, 318], *капу́стница* 1. ‘женщина, пришедшая на общественную рубку капусты’. 2. ‘женщина, сажающая капусту на продажу, торговка капустой’ [9, вып. 13, 60], принадлежащие к СТ S + -ниц(а);

- производные единицы литературного языка *болтуня, шалуня, лунья* и русских народных говоров *глазунья* ‘женщина, обладающая острым зрением или наблюдательностью’ (1-ое знач.) [9, вып. 6, 191] (от *глазун*), *ездунья* 1. ‘любительница ездить’. 2. ‘непоседа, резвушка’ [9, вып. 8, 331] (от *ездун*), принадлежащие к СТ *S* + *-j-*;

- производные единицы литературного языка *преподаватель, слушатель, писатель* и русских народных говоров *датель* 1. ‘тот, кто дает или дарит что-либо’. 2. ‘лицо, дающее заказ на выполнение работы большого объема’ [9, вып. 7, 279], принадлежащие к СТ *V* + *-тель*;

- производные единицы литературного языка *фокусник, причудник, завистник* и русских народных говоров *дверник* ‘человек, открывающий двери во время свадьбы’ [9, вып. 7, 283], *капустник* ‘тот, кто любит капусту’ (1-ое знач.) [9, вып. 13, 60], принадлежащие к СТ *S* + *-ник*;

- производные единицы литературного языка *бедняк, холостяк, толстяк* и русских народных говоров *дворяк* ‘дворовый человек’ (2-ое знач.) [9, вып. 7, 302], принадлежащие к СТ *Adj* + *-як*;

- производные единицы литературного языка *умник, безобразник* и русских народных говоров *ежевѣтик* ‘скупец, скряга’ [9, вып. 8, 326] (от *ежевѣтый*), *заскорузлик* ‘заморенный человек или животное, растение’ [9, вып. 11, 37] (от *заскорузлый*), принадлежащие к СТ *Adj* + *-ик*;

- производные единицы литературного языка *синьорина, гофмейстерина* и русских народных говоров *езопина* ‘безобразный человек’ [9, вып. 8, 333], принадлежащие к СТ *S* + *-ин(а)*;

- производные единицы литературного языка *запевала, громила, кутила* и русских народных говоров *жури́ла* ‘ворчун, брюзга’ [9, вып. 9, 231], принадлежащие к СТ *V* + *-л-*;

- производные единицы литературного языка *шутник, клеветник, насильник* и русских народных говоров *заслѣвник* ‘тот, кто заступает за кого-либо’ [9, вып. 11, 42] (от *заслѣвить*), *лакомник* ‘любитель лакомств, сластей’ (5-ое знач.) [9, вып. 16, 250], принадлежащие к СТ *V* + *-ник*;

- производные единицы литературного языка *вязальщик, носильщик* и русских народных говоров *загудальщик* ‘выдумщик, «придумывающий что-либо новое, интересное, иногда смешное»’ [9, вып. 10, 34], *засевальщик* ‘сеяльщик’ (1-ое знач.) [9, вып. 11, 22], *игральщик* ‘гармонист’ (1-ое знач.) [9, вып. 12, 66], принадлежащие к СТ *V* + *-льщик*;

- производные единицы литературного языка *трамвайщик, тюремщик, кабатчик* и русских народных говоров *калымщик* 1. ‘взяточник человек, который ничего не делает безвозмездно’. 2. ‘скупой человек’ [9, вып. 13, 6], принадлежащие к СТ *S* + *-щик / -чик*;

- производные единицы литературного языка *мастерица, царица, дьяволица* и русских народных говоров *капустница* 1. ‘женщина, пришедшая помочь рубить капусту’. 2. ‘плакса’ [9, вып. 13, 59], *матица* ‘мать’ (1-ое знач.) [9, вып. 18, 30], принадлежащие к СТ *S* + *-ниц(а)*;

- производные единицы литературного языка *соседка, пассажирка, шпионка* и русских народных говоров *матрѣска* ‘женщина-матрос’ (1-ое знач.) [9, вып. 18, 36], *махлюйка* ‘ленивая, плохая работница’ [9, вып. 18, 48] (от *махлюй*), принадлежащие к СТ *S* + *-к(а)* и др.

Отдельную группу наименований лица в русском литературном языке составляют суффиксальные производные единицы, принадлежащие к СТ, являющимся продуктивными в разговорной речи, например: производные *замазуля* (разговорное, о детях), *игруля* (окказиональное; устная речь), образующиеся по модели *V* + *-ул(я)*, производные *вруша, копуша, плакуша*, образующиеся по модели *V* + *-уш(а)*, производные *растеряха, вытивоха*, образующиеся по модели *V* + *-х(а)* [10, 152]. В литературном языке подобного рода аффиксы (*-ул(я)*, *-уш(а)*, *-х(а)*) являются показателем принадлежности данных номинаций к стилистически окрашенной лексике. В говорах же данные аффиксы стилистически нейтрализуются, сравните:

изгибуля ‘шалун, шалуня, баловник, баловница’ (2-ое знач.) [9, вып. 12, 116];

калякуша ‘болтун, болтуня, пустомеля’ [9, вып. 13, 12];

задирѣха ‘зачинщик ссор, драк; задира’ [9, вып. 10, 55] и др.

В современном русском литературном языке отдельную группу суффиксальных наименований лица составляют номинации, образующиеся по *непродуктивным* словообразовательным типам. Так, например, СТ *S* + *-ун* в литературном языке представлен небольшим количеством наименований лица (например, *горбун*). Специфическими для литературного языка производными номинациями, называющими лицо, говоры расширяют число дериватов с данным аффиксом: *глазун* ‘о человеке с большими глазами или глазами навывкате’ (1-ое знач.) [9, вып. 6, 191].

Образование в русских народных говорах наименований лица по общим СТ, являющимся *непродуктивными* в русском литературном языке, наблюдаем также и в других примерах. Так,

например, в СРЛЯ к группе единиц, образующихся по непродуктивным СТ, относятся производные единицы, принадлежащие к СТ $V + -ух$ (*пастух*) [10, 156–157]. Сравните специфическую для литературного языка диалектную номинацию *избалóвух* ‘тот, кто испорчен баловством’ [9, вып. 12, 90], принадлежащую к данному СТ.

По *непродуктивным* в русском литературном языке словообразовательным типам $V + -ак$ (*вожак*) [10, 146], $V + -ниц(а)$ (*возница, родильница*) [10, 153–154] осуществляется словопроизводство, например, таких диалектных номинаций, обозначающих лицо, как:

лаза́к 1. ‘тот, кто хорошо залезает на деревья’. 2. ‘человек, залезающий на дерево для сбивания кедровых шишек’ [9, вып. 16, 241];

ла́комница ‘любительница лакомств, сластей; лакомка’ (1-ое знач.) [9, вып. 16, 250];

засло́нница ‘заступница’ [9, вып. 11, 42] (от *заслонить*);

и́гральница ‘девушка, за которой ухаживает какой-либо молодой человек’ [9, вып. 12, 66] и др.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ суффиксальных производных номинаций литературного языка и русских народных говоров, называющих лицо, позволяет выделить общие для двух подсистем СТ. В частности, это:

- СТ, мотивированные глаголом: $V + -ун$, $V + -ага$, $V + -ух(а)$, $V + -ок$, $V + -лк(а)$, $V + -к(а)$, $V + -тель$, $V + -л-$, $V + -ник$, $V + -льщик$;

- СТ, мотивированные именем прилагательным: $Adj + -як$, $Adj + -ик$;

- СТ, мотивированные именем существительным: $S + -их(а)$, $S + -арь$, $S + -ниц(а)$, $S + -j-$, $S + -ник$, $S + -ин(а)$, $S + -щик / -чик$, $S + -иц(а)$, $S + -к(а)$.

Среди СТ, являющихся продуктивными в *разговорной речи* русского литературного языка, общими для двух подсистем языка (русский литературный язык / говоры) являются СТ $V + -ул(я)$, $V + -уш(а)$, $V + -х(а)$.

Отдельную группу производных единиц-наименований лица составляют номинации, принадлежащие к *непродуктивным* СТ в литературном языке и являющиеся общими для двух подсистем, в частности: СТ $S + -ун$, $V + -ух$, $V + -ак$, $V + -ниц(а)$.

Исследование также показывает, что говоры более свободны в образовании производных номинаций, называющих лицо, по общим с литературным языком моделям. Так, например, в словообразовании русского литературного языка дериваты, принадлежащие к СТ $V + -льник$, чаще называют предмет, орудие, приспособление, предназначенное для совершения действия: *паяльник, будильник, умывальник, светильник, утиральник*. Группа единиц, принадлежащих к данному СТ и способных назвать лицо, представлена единичными производными, например: *молчальник, висельник* [10, 145]. В говорах данный СТ является достаточно продуктивным. Сравните многообразие производных наименований лица с суффиксом *-льник* в диалектах:

загудáльник ‘то же, что загудало’ (от *загудáть*), *загудáло* ‘пьяница, кутила, буян’ [9, вып. 10, 34];

и́гральник ‘молодой человек, ухаживающий за девушкой’ // ‘парень на гулянье, на вечеринке’ [9, вып. 12, 66];

ката́льник ‘тот, кто катается на санках и т. п.’ [9, вып. 13, 122];

ла́дельник 1. ‘тот, кто исправляет что-либо, чинит; мастер’. 2. ‘знахарь’ [9, вып. 16, 230];

матю́кальник ‘сквернослов’ [9, вып. 18, 42] и др.

Наряду с общими СТ суффиксальных производных наименований человека, для русских народных говоров характерны такие СТ, которые являются специфическими для литературного языка и характерными только для диалектов. Сравните, например, следующие словообразовательные типы диалектных наименований лица, отсутствующие в литературном языке:

СТ $V + -ук$: *гайду́к* 1. ‘работник, батрак’. 2. ‘человек очень высокого роста’. 3. ‘богатырь, силач’ [9, вып. 6, 97] (от *га́йдать*);

СТ $Adj + -ан$: *жестока́н* 1. ‘жестокий, безжалостный человек’. 2. ‘скупого человека, стяжатель’ [9, вып. 9, 146] и др.

Выводы

Сравнительно-сопоставительное исследование суффиксальных производных единиц, называющих лицо, в словообразовании современного русского литературного языка и в диалектном словообразовании позволяет говорить скорее о преобладании общих черт, нежели черт, различающих данные подсистемы. В частности, словопроизводство диалектных

суффиксальных производных наименований лица осуществляется по общим с литературным языком словообразовательным типам. В связи с этим в русских народных говорах активно образуются такие номинации, называющие лицо, которые соответствуют тому или иному СТ, но при этом отсутствуют в литературном языке. В качестве *отличительной* черты, характерной для системы говоров, является большая степень детализации семантики производных наименований лица.

Перечень принятых обозначений и сокращений
 СРЛЯ – современный русский литературный язык
 СТ – словообразовательный тип

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ивыгина, А. А. Наименование лиц женского пола в русских говорах Волжско-Свияжского междуречья: структурно-семантический аспект / А. А. Ивыгина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6–2 (24). – С. 93–97.
2. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М. : Наука, 1980. – С. 156–249.
3. Оглезнева, Е. А. Человек в диалектной картине мира (на материале производных имен существительных русских говоров Приамурья / Е. А. Оглезнева // Вестн. Амурск. гос. ун-та. – 2001. – Выпуск 12.
4. Аكوпова, С. А. Лексико-семантическое образование существительных со значением лица (на основе метафоризации) / С. А. Аكوпова // Русский язык в школе. – 1985. – №6. – С. 84–91.
5. Смольская, Л. И. Семантические и структурные особенности наименований лица в русских говорах // Беларуская мова ў супольнасці моў : зб. навук. арт. (да 85-годдзя прафесара П. У. Сцяцко) / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: А. І. Кавальчук (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродно : ЮрСаПрынт, 2015. – С. 304–310.
6. Архипова, Н. Г. Наименования лиц мужского пола в русских говорах Приамурья / Н. Г. Архипова, А. Мисак // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – Благовещенск, 2006. – Выпуск №4. – С. 43–47.
7. Евсеева, И. В. Комплексные единицы русского словообразования : когнитивный подход / И. В. Евсеева. – М. : Книжный дом «Либроком», 2011. – 310 с.
8. Большой академический словарь русского языка : в 19 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. – М. ; СПб. : Наука, 2004–2011. – Т. 4, 7, 9, 10.
9. Словарь русских народных говоров : в 47 вып. – М. ; СПб. : Изд-во Академии наук СССР : Институт лингв. исследований РАН. – 1965–2014. – Вып. 4, 6–13, 16–18.
10. Русская грамматика : в 2 т. / редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.

Поступила в редакцию 22.09.16

E-mail: sv-y@yandex.ru

S. Yankouskaya

SUFFIXED NAMES OF PERSON ARE IN ASPECT OF INTERSYSTEM COMPARISON (RUSSIAN LITERARY LANGUAGE/DIALECTS)

In modern linguistics is the actual comparison of the two subsystems of the same language (for example, a comparison of the Russian literary language and dialects). This is explained by the fact that the simultaneous study of derived units of the literary language and dialect words helps to present the organization and the types of nests and more varied widely. The article deals with derivatives name of the person in the two language subsystems (Russian literary language/dialects), analyzed the structural and semantic features derived units of the semantics. It is noted that in the two language subsystems derived units may be identical to the combinatorics of the root morpheme and word-building affixes, but differ in their semantics. The conclusion is that the territorial dialects have more freedom in the formation of derived units that call the person rather than the literary language, the consequence of which is the presence of such nominations, which are absent in the literary language. The system of common literary language and Russian dialects derivational types of derivative names of the person.

Keywords: the names of person, word-formation type, fragments of word-formation nests, dialectal word-formation.